A photograph of a destroyed wooden house in a forest, serving as the background for the text. The house is charred and partially collapsed, with a tiled roof that is heavily damaged. The surrounding trees are bare and skeletal, suggesting a desolate or post-apocalyptic setting. The ground is covered in fallen branches and debris.

САЙМОН БЕКЕТТ

УВЕКОВЕЧЕНО
КОСТЯМИ

Саймон Бекетт
Увековечено костями

Simon Beckett
WRITTEN IN BONE

© Simon Beckett, 2007

© Перевод. А. Пичужкина, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Хилари

1

При определенной температуре горит что угодно: дерево, одежда... люди.

При двухстах пятидесяти градусах Цельсия воспламеняется плоть. Кожа чернеет и трескается. Начинает плавиться подкожный жир, как на сковороде. От него загорается тело. Первыми схватываются руки и ноги, сухожилия и мышечные волокна сокращаются, и пылающие конечности двигаются в пошлой пародии на жизнь. Последними сдаются внутренние органы. В коконе влаги, они не уступают, пока огонь не поглотит все мягкие ткани.

Однако кость – субстанция иная. Кость упрямо сопротивляется. Даже когда выгорит весь углерод, кость сохранит свою форму. Бестелесный призрак ее готов рассыпаться, чтобы последний бастион жизни превратился в пепел. Этот процесс, с незначительными отклонениями, всегда протекает в одной и той же последовательности.

Но в каждом правиле есть свои исключения.

Спокойствие старого коттеджа нарушил футбольный мяч. Гниющая дверь распахнулась от удара, ржавые петли недовольно скрипнули. Комнату залил дневной свет, в проеме возник силуэт. Человек пригнул голову, вглядываясь в темноту. Его старая собака замерла в нерешительности, чуя недоброе. Человек тоже остановился, будто не хотел переступить через порог. Когда собака преодолела страх и шмыгнула внутрь, он позвал ее обратно:

– Ко мне.

Послушная собака вернулась и тревожно посмотрела на хозяина подслеповатыми глазами. Помимо запаха из коттеджа, она чувствовала его беспокойство.

– Сидеть.

Собака осталась наблюдать, как человек пробирается по заброшенному дому; сквозь сырость пробивался подозрительный запах. Медленно, нехотя человек направился к низкой двери у дальней стены. Поднес руку и застыл. Сзади заскулила собака. Но он не слышал. Осторожно открыл дверь, будто боялся того, что может предстать его взору.

Однако поначалу он не увидел ничего. В комнате царил полумрак, свет поступал лишь через окошко с треснутым стеклом, покрытым налетом многолетней грязи. При скупом освещении комната хранила свой секрет еще пару секунд. Затем глаза привыкли, стали прорисовываться детали.

И человек увидел, что лежит на полу.

Легкие схватили воздух, словно от неожиданного удара, и он невольно попятился.

– О господи...

В ограниченном пространстве тихий голос прозвучал неестественно громко. Человек побледнел. Огляделся, будто здесь мог оказаться кто-то еще. Никого.

Затем сделал шаг назад, не сводя глаз с того, что лежало на полу. Только захлопнув со скрипом дверь, повернулся спиной.

Шаткой походкой он пошел прочь от коттеджа. Старая собака приветственно залаяла, но хозяин проигнорировал ее, ища в кармане пачку сигарет. Руки дрожали, и зажигалка сработала только с третьего раза. Он глубоко затаился, табачные огоньки побежали к фильтру. Дрожь утихла.

Человек бросил окурочек в траву, затушил, затем нагнулся и поднял. Засунул в карман, тяжело вздохнул и отправился к телефону-автомату.

Когда раздался звонок, я ехал в аэропорт Глазго. Было скверное февральское утро с серым, затянутым небом, холодный ветер бил в лицо мерзкой изморосью. Восточное побережье одолевали грозы, и хотя они не далеко ушли от берега, ничего хорошего не предвещали.

Я надеялся лишь, что непогода повременит, пока я сяду в самолет. Я возвращался в Лондон после недели работы: обследовал тело на месте его последнего пристанища в покрытых вереском Грампианских горах. Неблагодарное дело. Кристаллический иней превратил вершины в железо, и от холода захватывало дух не меньше, чем от красоты. Изуродованный труп принадлежал молодой женщине. За последний месяц мне поручили уже второе тело. От прессы скрывали, но никто из следственной команды не сомневался – это дело рук одного человека. И он продолжит убивать, если его не поймают, а надежды на это мало. При такой степени разложения трудно сказать что-то наверняка, и все же я был убежден, что увечья, как это ни ужасно, наносились еще живому человеку.

В общем, командировка была изнуряющая, и я с нетерпением ожидал возвращения домой. Последние полтора года я жил в Лондоне и работал на факультете судебной медицины. Временный контракт давал мне доступ к лаборатории, хотя трудиться приходилось чаще на местности, чем в кабинете. Я сказал Дженни, своей подружке, что после командировки стану уделять ей больше времени. Уже не первый раз я давал это обещание, однако теперь твердо намеревался его выполнить.

Когда раздался звонок, я подумал, это она – звонит убедиться, что я лечу домой. Но номер определился незнакомый. Из трубки раздался хриплый деловой голос:

– Извините за беспокойство, доктор Хантер. Я детектив Грэхем Уоллес из северной штаб-квартиры Инвернесса. Вы не могли бы уделить мне пару минут?

У него был тон человека, привыкшего добиваться своего, и акцент скорее уж жителя Глазго, чем Инвернесса с их мягкой модуляцией.

– Только пару. У меня скоро вылет.

– Знаю. Я только что говорил с Аланом Кэмпбеллом из грампианской полиции, и он сказал мне, обследование закончено. Хорошо, что вы еще не улетели.

Главный следователь Кэмпбелл курировал меня. Приличный человек и достойный полицейский, он полностью погружался в работу, чем вызывал у меня уважение.

Я взглянул на водителя такси: лишние уши.

– Чем могу быть полезен?

– Сделайте мне одолжение. – Уоллес глотал звуки, будто его слова стоят дорожке, чем ему за них платят. – Вы слышали про крушение поезда сегодня утром?

Конечно. Перед выходом из отеля я смотрел новости: на западном побережье пригородный поезд сошел с рельсов, врезавшись в грузовик, оставленный на путях. Судя по репортажу, катастрофа масштабная, вагоны лежат покореженные. Пока неизвестно, сколько людей пострадало.

– Мы отправили туда все силы, царит сущий хаос, – продолжил Уоллес. – Есть вероятность, что это диверсия, поэтому вся местность оцеплена. Обещали прислать помощь, но пока людей не хватает.

Все ясно. В новостях сообщили, что некоторые вагоны загорелись, значит, потребуется опознание жертв, и это превратится в судебно-медицинский кошмар. Однако сначала придется вытащить тела, но пока об этом думать рано.

– Сомневаюсь, что смогу быть полезен в данный момент, – сказал я.

– Я звоню не из-за аварии, – нетерпеливо заявил он. – Нам доложили об обгоревшем трупе на Гебридских островах. На маленьком отдаленном островке Руна.

Никогда о таком не слышал, что неудивительно. Все, что я знал о внешних островах, – они образуют крайние точки Великобритании, за несколько миль от северо-западного побережья Шотландии.

– Есть подозрения? – спросил я.

– Не похоже. Вероятно, самоубийство, а может, пьяница или бродяга заснул у костра. Мужчина выгуливал собаку и обнаружил труп на заброшенной ферме. Сам он детектив, инспектор полиции

на пенсии, живет поблизости. Мы работали вместе. Раньше был хорошим человеком.

Интересно, что значит «раньше»?

– Что он сказал?

Уоллес не сразу ответил.

– Тело сильно обгорело. Однако мне не хочется перебрасывать своих людей с места катастрофы, если в том нет необходимости. Пара местных ребят из Сторноуэя собираются сегодня переправиться на пароме. Вы не могли бы поехать с ними и взглянуть на труп? Несчастный ли это случай, или надо высылать следственную команду. Хотелось бы узнать мнение эксперта, перед тем как бить тревогу, а Алан Кэмпбелл считает вас превосходным специалистом.

Попытка прибегнуть к лести никак не вязалась с его строгим тоном. Не прошла незамеченной и заминка после вопроса о трупе. Неужели он что-то недоговаривает? Но если бы смерть показалась Уоллесу странной, он послал бы следственную бригаду независимо от катастрофы.

Такси уже подъезжало к аэропорту. У меня было полно причин отказать. Я только что закончил работу по крупному расследованию, а эта трагедия слишком банальна: такое даже не попадает в газеты. Представил, как скажу Дженни, что сегодня не вернусь. Учитывая, сколько времени я пропадаю, она не очень обрадуется.

Уоллес, видимо, почувствовал мое нежелание.

– Дело займет всего пару дней, включая дорогу. Проблема в том, что, похоже, там нечто... странное. Не хочу преувеличивать, но необходимо, чтобы взглянул эксперт, такой, как вы.

Ненавижу, когда мной манипулируют. И все-таки ему удалось пробудить во мне любопытство.

– Я бы не стал вас просить, если б не крайняя нехватка людей, – добавил Уоллес, закрутив винт еще на поворот.

Через покрытое дождевыми разводами окно такси я увидел дорожный знак, указывающий на аэропорт.

– Я перезвоню вам. Дайте мне пять минут.

Уоллесу это не понравилось, однако возражать он не мог. Я прикусил губу, набирая номер, который знал наизусть.

В трубке раздался голос Дженни. Я невольно улыбнулся, хоть и боялся предстоящего разговора.

– Дэвид! Я только приехала на работу. Ты где?

– Направляюсь в аэропорт.

Она рассмеялась:

– Слава богу! Я уже подумала, ты звонишь сказать, что сегодня не вернешься.

У меня сжалось сердце.

– Я за этим и звоню. Меня только что попросили выполнить еще одно задание.

– О!

– Всего на день-два. На Гебридских островах. Больше никому. – Я едва не начал рассказывать о катастрофе, но хватит оправданий.

Повисла пауза. Я огорчился, что из голоса Дженни исчезли смех и веселость.

– И что ты ответил?

– Что перезвоню. Хотел сначала посоветоваться с тобой.

– Зачем? Нам обоим ясно, что ты уже принял решение.

Только ссоры мне не хватало. Я снова взглянул на водителя.

– Дженни, послушай...

– Или не так?

Я замялся.

– Я так и думала.

– Дженни...

– Мне надо идти. Опоздаю на работу.

Она повесила трубку. Я вздохнул. Не так я планировал начать это утро. *Так позвони ей и скажи, что отказался от предложения.* Палец завис над кнопками.

– Не волнуйся, дружище. Моя жена тоже любит покапризничать, – сказал водитель через плечо. – Переживет, так ведь?

Я кивнул. Вдалеке взлетал самолет. Водитель начал поворачивать, я набирал номер. Трубку взяли тотчас.

– Как туда добираться? – спросил я Уоллеса.

2

Большую часть дня я провожу с мертвыми. Порой с давно мертвыми. Я судебный антрополог. Это профессия и факт жизни, с которым большинство людей предпочитают не сталкиваться, пока не придется. Некоторое время я сам был таким. Когда мои жена с дочерью погибли в автокатастрофе, работа каждый день напоминала мне об утрате. Поэтому я стал терапевтом, доктором медицины, который посвящает себя живым, а не мертвым.

Однако произошли события, заставившие меня вернуться к прежнему ремеслу. Призванию, так сказать. Отчасти патология, отчасти археология. То, чем я занимаюсь, выходит за пределы обеих дисциплин. Даже после уничтожения, когда организм сгнил и разложился, оставив сухие кости, он по-прежнему может много рассказать. Хоть целую историю, если понимать его язык. Этим я и занимаюсь.

Упрашиваю мертвых исповедаться.

Уоллес был уверен, что я не откажу ему. Мне уже забронировали место в самолете на Льюис – главный остров из внешних Гебридских. Рейс задержали почти на час из-за плохой погоды, поэтому я сидел в зале ожидания, стараясь не слушать, как несколько раз объявляли рейс в Лондон и огласили завершение посадки, а затем он исчез с табло.

Наш самолет то и дело падал в воздушные ямы, но, к счастью, полет длился недолго. Полдня уже прошло, когда я поймал такси из аэропорта к причалу паромной переправы в Сторноуэе, мрачном городке, который полностью зависит от рыботорговли. Пристань, где меня высадили, была сырой и холодной, с привычной для таких мест духотой из-за смешения запахов дизеля и рыбы. Я ожидал, что сяду на один из больших паромов, которые выбрасывали дым в дождливое небо над серым заливом, а оказалось, для меня подобрали маленькое рыбацкое судно, не предназначенное для

перевозки людей. Лишь наличие полицейского «рейнджровера», занимавшего полпалубы, подтверждало, что я не ошибся.

Посадочный трап качался, вызывая тошноту одним видом. На бетонной пристани стоял сержант в форме, засунув руки в карманы куртки. Щеки и нос залились несходящей краской от полопавшихся капилляров, под глазами мешки. Он злобно оглядел меня, пока я выгружал сумку и ручную кладь.

– Мистер Хантер? Я сержант Фрейзер, – мрачно сообщил он. Имя не упомянул и руки не пожал. Он грассировал в нос, не как шотландцы на основной части суши. – Мы вас давно ждем.

С этими словами он поднялся по трапу, не предложив помочь мне с багажом. Я перекинул сумку через плечо, поднял алюминиевый кейс и последовал за ним. Трап был мокрый и скользкий, он хаотично приподнимался и опускался с ударами волн. Я едва не упал, принаравливая шаги к неритмичным колебаниям. Затем кто-то подбежал сзади на помощь. Молодой полицейский широко улыбнулся, забирая у меня кейс.

– Позвольте мне.

Я не стал возражать. Он пошел в «рейнджровер», привязанный к палубе, и поместил кейс в багажник.

– Что у вас там, труп? – бодро спросил он.

Я поставил сумку рядом.

– Нет, так только кажется. Спасибо.

– Не за что.

Парню было не больше двадцати. Дружелюбное, открытое лицо, аккуратная форма, несмотря на дождь.

– Я констебль Маккинни, зовите меня Дункан.

– Дэвид Хантер.

Он от души пожал мне руку, словно восполняя промах Фрейзера.

– Так вы занимаетесь судебной медициной?

– Боюсь, что да.

– Здорово! То есть не здорово... ну, в общем, понимаете. Давайте спрячемся от дождя.

Застекленная пассажирская кабина находилась под рулевой рубкой. Снаружи Фрейзер гневно разговаривал с бородатым мужчиной в непромокаемой одежде. За ним стоял высокий прыщавый подросток. Фрейзер тыкал пальцем в воздух.

– ...так долго прождали, и вы заявляете, что не готовы отчалить?

Бородач невозмутимо смотрел ему в глаза.

– Должен подъехать еще один пассажир. Без него мы не тронемся с места.

И без того красное лицо Фрейзера побагровело.

– Это не увеселительный круиз. Мы и так выбились из графика, так что живо поднимайте трап.

Бородатый мужчина посмотрел на него, как дикий неприрученный зверь.

– Лодка моя, и график устанавливаю я. Сами поднимайте, если так приперло.

Фрейзер набрал воздух в легкие, но тут с трапа донеслись шаги. Миниатюрная молодая женщина спешила вверх, качаясь под весом тяжелой сумки. На ней было теплое ярко-красное пальто. Велико на два размера. На уши натянута толстая шерстяная шапка. С песочными волосами и заостренным подбородком, она выглядела как эльф, весьма привлекательно.

– Привет, ребята. Никто не хочет мне помочь? – Она тяжело дышала.

Дункан дернулся вперед, но хозяин лодки остановил его. Широко улыбаясь, так что белые зубы засветились сквозь темную бороду, он легким движением забрал у нее сумку.

– Ты вовремя, Мэгги. Мы чуть не уплыли без тебя.

– Хорошо, что дождались, а то моя бабушка вас убила бы. – Женщина встала, уперев руки в бока и пытаясь отдышаться.

– Привет, Кевин. Как дела? Отец все так же тебя запрягает?

Подросток покраснел и опустил взгляд:

– Ага.

– Ага, некоторые факты жизни никогда не меняются. Тебе уже восемнадцать, пора требовать повышения зарплаты.

При виде полицейского «рейнджровера» у нее в глазах сверкнуло любопытство.

– Что происходит? Просветите меня, пожалуйста.

Бородач кивнул в нашу сторону:

– Спроси у них. Если это не военная тайна.

Увидев Фрейзера, женщина едва удержала улыбку, и выражение ее лица стало вызывающим.

– Здравствуйте, сержант Фрейзер. Какой сюрприз. Что вынудило вас посетить Руну?

– Дела, – выпалил Фрейзер и отвернулся. Кем бы ни была молодая дамочка, он не обрадовался встрече.

Капитан парома с сыном принялись за работу. Со скрипом поднялся трап, и деревянная лодка заколыхалась, когда потянули якорную цепь. Бросив заинтригованный взгляд в мою сторону, женщина пошла в рубку.

С выхлопом дизеля паром отдал швартовы и запыхтел прочь из залива.

Море было беспокойным, и переправа вместо двух часов заняла почти три. Как только мы вышли из залива Сторноуэй, Атлантический океан оправдал свою репутацию. Паром бился носом о бушующую серую поверхность разгневанных волн. Каждый раз он поднимался на гребень и соскальзывал вниз с тошнотворной силой, а затем процесс повторялся заново.

Единственным убежищем была тесная пассажирская каюта, где ощущались дизельные пары и горящие радиаторы. Фрейзер и Дункан сидели с несчастным видом и молчали. Я пытался расспросить Фрейзера о деле, однако он, очевидно, знал не больше меня.

– Ничего особенного, – проворчал он, вытирая со лба пот. – Скорей всего какая-то пьянь заснула близко к костру.

– Уоллес сказал, его нашел некий детектив, инспектор полиции на пенсии. Кто он?

– Эндрю Броуди, – высоким голосом произнес Дункан. – Работал с моим отцом на материке^[1], пока мы не переехали в Сторноуэй. Говорит, он был чертовски хорошим полицейским.

– Ага, «был», – подтвердил Фрейзер. – Я наводил о нем справки. Волк-одиночка. Не любил работать в команде. Когда от него сбежали жена с дочерью, вообще перестал общаться с людьми. Поэтому и в отставку ушел.

Дункан смутился:

– Отец сказал, это из-за стресса.

Фрейзер отмахнулся:

– Какая разница? Он и помнить не хочет, что когда-то был детективом, – уверил сержант и напрягся от неожиданного толчка: лодка перевалила через очередную вершину гребня. – Боже, послали же в это проклятое место...

Я сидел в кабине и думал, как меня угораздило очутиться на крошечном пароме в Атлантическом океане вместо того, чтоб лететь домой, к Дженни. Последнее время мы все чаще ссорились по одной и той же причине – из-за моей работы. Поскольку больше заняться было нечем, я стал размышлять, правильное ли принял решение и как мне теперь искупать свою вину.

Через час я оставил полицейских и вышел на палубу. В лицо ударил ветер с дождем, однако это было приятнее мрачной жаркой кабины. Стоя на корме, я наслаждался моросью. Вдали показался остров: темное возвышение над морем. Сердце привычно защемило, то ли от волнения, то ли от предвкушения того, что меня там ждет.

Как бы там ни было, я надеялся, что игра стоит свеч.

Боковым зрением поймал красное пятно, повернулся и увидел, что молодая женщина направляется ко мне. Паром качнуло, она засеменила вперед, и я протянул руку, чтобы поддержать ее.

– Спасибо.

Женщина задорно улыбнулась и схватилась за перила.

– Вот погодка. Йен говорит, пришвартоваться будет непросто.

У нее был акцент почти как у Фрейзера, но интонация мягче и мелодичнее.

– Йен?

– Йен Кинросс, капитан. Мой добрый сосед, с Руны.

– Вы там живете?

– Больше нет. Моя семья переехала в Сторноуэй, все, кроме бабушки. Мы навещаем ее по очереди. А вы вместе с полицейскими?

Она задала вопрос с невинностью, в которую я не особо поверил.

– Считайте, да.

– Но сам вы не из них? Не из полиции, я имею в виду.

Я покачал головой.

Женщина улыбнулась:

– Я так и подумала. Йен слышал, они обращались к вам «доктор».

На острове кого-то тяжело ранили?

– Нет, насколько мне известно.

Мой ответ только подогрел ее любопытство.

– Так зачем доктор едет на Руну в сопровождении полиции?

– Лучше спросите у сержанта Фрейзера.

Она сморщилась.

– Ну уж нет.

– Вы знакомы?

– Вроде того. – Она не стала вдаваться в подробности.

– И чем вы занимаетесь в Сторноуэе? – спросил я.

– О... Я писательница. Работаю над романом. Меня, кстати, зовут Мэгги Кэссиди.

– Дэвид Хантер.

Она сделала явное усилие, чтобы запомнить имя. Некоторое время мы молчали и смотрели, как остров все четче прорисовывается сквозь сумерки: из воды поднимались серые клифы с зеленоватой шапкой. На их фоне виднелась природная башня из черного камня, высеченная волнами.

– Вон там, – сказала Мэгги. – Бухта прямо за Стэк-Росс, большой скалой. Третья по высоте в Шотландии. На Руне таких много. Претензии на славу третьего сорта. – Она отпустила перила. – Приятно было познакомиться, Дэвид. Может, еще увидимся.

Кэссиди направилась обратно в капитанскую рубку, к Кинроссу с сыном. На сей раз она шагала по палубе заметно увереннее.

Я продолжил рассматривать приближающийся остров. За Стэк-Росс клифы опускались в маленькую бухту. Начало темнеть, но я разглядел разбросанные там дома – крошечный аванпост поселения в пустынном океане.

Сзади послышался резкий свист, пробившийся сквозь шум мотора и завывание ветра. Повернувшись, я увидел, что Кинросс сердито машет мне рукой:

– Иди в каюту!

Мне не надо было повторять дважды. Море стало еще свирепее: волны разбивались о высокие обрывы, изрезавшие бухту. Теперь лодку не просто качало, а бросало по спирали: водные массивы сталкивались, накрывая палубу одеялом из капель.

Хватаясь за поручень, я добрался до перегретой каюты. В обществе Дункана и побледневшего Фрейзера стал ждать, пока паром зайдет в бухту, борясь с ударами волн. Через окно было видно, как они разбиваются о бетонную пристань, порождая белые облака брызг. Пришвартовались с третьей попытки, паром трясло от усилий мотора удержать нас на месте.

Мы вышли из каюты и с трудом пошли по качающейся палубе. От ветра было не скрыться, но он казался чудотворно свежим, с чистым соленым привкусом. Над головой с криками кружили чайки. Люди на берегу суетились, завязывали тросы. Несмотря на множество скал, бухта была открыта неумолимой стихии. На якоре стояло несколько рыбацких лодок, которые едва не срывались с якорных цепей, как собака с привязи.

Низкие дома и коттеджи цеплялись за крутой склон, опускавшийся в бухту. За ними – зеленая земля без единого дерева, унылая и

обдуваемая всеми ветрами. Вдалеке, на горизонте, высилась остроконечная вершина, теряясь в дымке низких облаков.

Молодая женщина, Мэгги Кэссиди, поспешила удалиться с парома, как только спустили трап. Я слегка удивился, что она не попрощалась, но не стал заострять на этом внимание. Позади меня завелся мотор «рейнджровера», и я забрался на заднее сиденье. Фрейзер уступил напарнику место за рулем. Лодка по-прежнему качалась, когда он осторожно съезжал по неустойчивому трапу.

На пристани нас ждал мужчина с морщинистым лицом. Ему было за пятьдесят. Высокое и могучее телосложение и оценивающий взгляд выдавали в нем полицейского. Мне не надо было и говорить, что это тот самый детектив на пенсии, который нашел тело.

Фрейзер опустил окно:

– Эндрю Броуди?

Мужчина сдержанно кивнул. Ветер трепал седые волосы, пока он рассматривал нас троих. Местные жители, которые помогли привязать лодку, наблюдали с любопытством.

– И это все, кого прислали? – спросил он с неприкрытым недовольством.

Фрейзер кивнул:

– Ага, пока.

– Как насчет следственной команды? Когда прибудет?

– Неизвестно! – рявкнул Фрейзер. – Решение пока не принято.

Броуди сморщился от такого тона. На пенсии или нет, бывшему инспектору полиции не понравилось, что какой-то сержант так с ним разговаривает.

– А как же отдел уголовного розыска? Им придется заняться делом в любом случае.

– Из Сторноуэя прибудет детектив, после того как доктор Хантер взглянет на тело. Он эксперт по судебной медицине.

До этого момента Броуди не обращал на меня внимания. Теперь посмотрел с интересом. У него был пронизательный взгляд, и я почувствовал, что меня строго оценивают.

– Смеркается, – сказал он. – Добираться всего пятнадцать минут, но когда прибудем, станет совсем темно. Может, сядете в мою машину, доктор Хантер? Я введу вас в курс дела по дороге.

– Уверен, доктору уже приходилось видеть обожженные тела, – встрял Фрейзер.

Броуди уставился на него, будто напоминая себе, что в отставке. Затем перевел твердый взгляд обратно на меня:

– Но не такие.

Машина была припаркована на причале, новенькая «вольво» с закрытым кузовом. Внутри ни пылинки. Пахло освежителем воздуха и, едва заметно, сигаретным дымом. Сзади на одеяле лежала старая колли, черная морда поседела от возраста. Она подскочила, когда Броуди сел в машину.

– Сидеть, Бесс, – мягко приказал он. Собака тотчас утихомирилась. Броуди нахмурился, ища на приборной панели обогреватель. – Извините, недавно приобрел. Пытаюсь запомнить, что где находится.

Мы выехали из бухты, за нами следовали фары «рейнджровера». На севере в такое время года дни короткие, и сумерки быстро сменялись темнотой. Уличные фонари освещали узкую главную дорогу, едва ли заслуживавшую такое название. Она пролегла от моря через деревню: горстку магазинчиков, окруженных старыми каменными коттеджами и бунгало с видом временной сборной конструкции.

Хоть видно было и мало, стало очевидно, что Руна – не такое уж захолустье. У дороги стояла разрушенная церквушка без крыши. Однако у большинства домов были новые двери и окна, будто их недавно заменили. Проехали мимо небольшой, но современной школы, мимо больницы.

Даже дорога с новым покрытием, только узкая, одна полоса с полукруглыми разъездами каждые сто метров, черный гладкий дегбетон сделал бы честь любому шоссе в стране. Дорога пошла круто вверх, затем выровнялась, и показались последние два дома

на краю деревни. На холме, на фоне почти темного неба, высился силуэт высокого загнутого камня. Он поднимался из травы, как указательный палец.

– Это Бодах Руна, – сказал Броуди, заметив мой взгляд. – Старик с Руны. Согласно легенде, он поднялся наверх ждать возвращения сына, который ушел в море. Но сын так и не вернулся, и старик простоял столь долго, что превратился в камень.

– При такой погоде это неудивительно.

Броуди на секунду улыбнулся. Попросив меня сесть в свою машину, он чувствовал себя неудобно, будто не знал, с чего начать. Я достал мобильный проверить сообщения.

– Здесь связи нет, – предупредил он. – Если хотите позвонить, пользуйтесь наземной линией или полицейским радио. Хотя при сильном ветре даже оно не всегда работает.

Я убрал телефон. Теплилась надежда, что Дженни прислала сообщение. Позвоню позже и попытаюсь уладить ссору.

– Так в какой области вы специализируетесь? – спросил Броуди.

– Я судебный антрополог.

Я посмотрел на него, чтобы понять, надо ли вдаваться в объяснения. Иногда даже полицейские приходят в недоумение. Однако Броуди остался доволен.

– Прекрасно. Хоть один человек будет знать, что делать. Что рассказал вам Уоллес?

– Обгорело тело. В смерти есть нечто странное. Что именно, не сказал, но подозрений на убийство нет. – Броуди недовольно сморщился. – А вы считаете, есть?

– Я ничего не считаю, – ответил Броуди. – Сами сделаете выводы, когда увидите. Я лишь ожидал, что Уоллес пришлет целую команду.

У меня возникло дурное предчувствие. При подозрении на убийство нет однозначных предписаний, которые следовало бы соблюдать, и обычно я не вмешиваюсь, пока не придет следственная группа и не сделает свою работу на месте

преступления. Оставалось надеяться, что железнодорожная катастрофа не затуманила разум Уоллеса.

Однако в памяти сохранилось и его мнение о Броуди: «Раньше был хорошим человеком». Офицерам полиции в отставке бывает сложно принять, что они больше ничего не решают. Броуди не стал бы преувеличивать, чтоб снова ощутить себя в гуще событий. Я не очень полагался на слова Фрейзера о том, что он сломался, но ведь подобные мысли могли повлиять на решение Уоллеса.

– Меня просили всего лишь взглянуть на труп. При малейшем подозрении, что это не несчастный случай, я должен буду дождаться прибытия следственной команды.

– Тут уж ничего не поделаешь, – злобно произнес Броуди.

Что бы он ни сказал Уоллесу, тот явно не воспринял информацию за чистую монету, и бывшего детектива-инспектора это не могло не раздражать.

– Как это вы нашли тело? – спросил я.

– Собака почуяла запах, когда я выгуливал ее утром. В заброшенном фермерском домике. Там иногда играют дети, но не зимой. Я ничего не трогал, даже не спрашивайте меня об этом. Хоть я и в отставке, мозги на месте.

В этом я не сомневался.

– И кто это может быть?

– Не имею ни малейшего понятия. Из местных жителей никто не пропадал. Здесь меньше двухсот человек, поэтому незаметно не исчезнешь.

– К вам часто приезжают с других островов?

– Нет, но бывает. Заносит изредка то какого-нибудь натуралиста, то археолога. На всех островах полно руин каменного века, бронзового века и бог знает какого. На горе якобы находятся захоронения в каменных пирамидах и старая сторожевая башня. И последнее время на Руне велись работы по реконструкции, так что к нам недавно приезжали строители и подрядчики. Перекладывали

дорогу, ремонтировали дома и тому подобное. Пока погода не изменилась.

– Кому еще известно про труп?

– Насколько я знаю, никому. Я сообщил только Уоллесу.

Понятно теперь, отчего у местных такие любопытные взгляды. Приезд полиции – событие для такого крошечного острова. Вряд ли причина нашего прибытия надолго останется тайной, хорошо хоть туристы нам не встретятся.

– Уоллес сказал, тело сильно обгорело.

Броуди мрачно улыбнулся:

– Да уж. Сами увидите.

Он произнес это с уверенностью, закрыв тему.

– Вы, кажется, раньше вместе работали.

– Да, я работал в штаб-квартире Инвернесса. Бывали там?

– Проезжал. Руна сильно отличается от него.

– И в лучшую сторону. Тут хорошо жить. Спокойно. Есть время подумать, просторно.

– Вы здесь родились?

– Нет, я приезжий. Хотелось убежать от всего, когда вышел на пенсию раньше срока. А здесь край света.

Бесспорный факт. Как только мы покинули деревню у бухты, жизнь вымерла. Единственным пристанищем бытия был внушительный старый дом вдали от дороги. А так случайные лачуги и овцы. В сумерках Руна казалась красивой, но пустынной.

Здесь одиноко умирать.

Машина подскочила, когда Броуди свернул с дороги на заросшую тропу. Фары осветили ветхий коттедж. Уоллес сказал, тело нашли в фермерском доме, однако не осталось никаких следов, что землю когда-то вспахивали. Броуди остановился и выключил мотор.

– Сидеть, Бесс, – приказал он колли.

Мы вышли из машины, сзади подоспел «рейнджровер». Низкое одноэтажное строение разваливалось на глазах. За ним

вырисовывалась вершина, которую я заметил раньше: черный силуэт в наступавшей темноте.

– Это Бейнн-Туиридх, – сказал мне Броуди. – Отсюда похожа на гору. Говорят, если забраться на нее в ясный день, видна вся Шотландия.

– Вы пробовали?

– Не встречал таких дураков, чтобы вздумали проверить этот факт.

Броуди достал из бардачка фонарь и подождал Фрейзера с Дунканом. Я вынул из кейса собственный фонарь, и мы направились к коттеджу, лучи света прыгали по неровной земле. Стены каменного строения покрылись мхом и лишайником. Дверной проем оказался столь низким, что мне пришлось пригнуться.

Я остановился рассмотреть дом. Его, бесспорно, давно покинули. Через дыру в крыше капала вода, тесная комната, низкий потолок усиливал клаустрофобию. Видимо, здесь была кухня: виднелась плита, чугунная сковорода по-прежнему стояла на подставке. В середине стоял неустойчивый деревянный стол. На каменном полу были разбросаны бутылки и жестяные банки – следы пребывания человека. В воздухе повис запах плесени и сырости, не более. Никаких признаков пожара.

– Сюда, – сказал Броуди, направив фонарь на дверь.

При приближении я почуял слабый душок гари, не столь заметный, как следовало ожидать. Дверь была сломана, ржавые петли заскрипели. Глядя под ноги, я зашел внутрь. Место похуже кухни. Теперь явно ощущалась вонь. С голых стен отваливалась штукатурка, камин напоминал зияющую дыру. Однако запах шел не оттуда, а из центра. Посветив фонарем, я ахнул.

От жертвы не осталось практически ничего. Неудивительно, что Броуди был немногословен, отвечая на вопрос, сильно ли обгорело тело. Действительно сильно.

На полу лежала груда золы и жирного праха. Огонь поглотил косточки с той же жадностью, что кожу и ткани. Остались только

крупные кости, торчавшие из пепла, как мертвые ветви из сугроба. Даже они были прокалены: углерод выгорел, оставив серую хрупкую субстанцию. Увенчивала картину надломанная скорлупа черепа.

Помимо тела, в комнате ничего не пострадало. Огонь испепелил лишь человека, превратив кость в пемзу, и не затронул предметы вокруг. Каменные плиты под телом почернели, а на расстоянии метра лежал обветшалый и грязный, но целехонький матрас. На полу валялись старые листья и ветви, однако пламя обошло и их.

Но самое страшное было не в этом. В немой шок меня привели две уцелевшие ступни и рука, опаленные до черноты.

Броуди подошел и встал рядом.

– Ну, доктор Хантер? По-прежнему считаете, что тут ничего подозрительного нет?

3

На улице завывал ветер – подходящий фон для жуткого зрелища. В дверях ахнул Дункан, увидев останки на полу.

Справившись с шоком, я начал оценивать ситуацию.

– Здесь не хватает света.

– У нас в машине есть переносной прожектор, – сказал Фрейзер и отвел взгляд от кучи гостей и пепла. Напустил на себя вид человека, выдавшего виды, однако не очень убедительно. – Дункан, принеси. Дункан!

Молодой констебль продолжал пялиться, бледный как простыня.

– Ты в порядке? – спросил я, переживая не только за него. Мне не раз приходилось видеть, как юных полицейских рвет на труп. Это никому не облегчает работу.

Он кивнул, начиная приходить в себя:

– Ага, извините.

Дункан поспешил прочь. Броуди осматривал останки.

– Я сказал Уоллесу, дело странное, но он мне не поверил. Наверно, решил, что я стал слишком впечатлителен после стольких лет безделья.

Должно быть, так и было, но нельзя винить Уоллеса за сомнения. Картина оказалась столь безумной, что не поддавалась логике.

Тело – то, что от него осталось, – лежало лицом вниз. Не подходя ближе, я посветил фонарем на необгорелые конечности. Ступни уцелели чуть выше щиколотки, сохранившиеся кроссовки наводили ужас. Затем я поднял луч света до кисти. Она была маленькой и могла принадлежать небольшому мужчине или крупной женщине. Без колец, ногти не покрашены, покусаны. Лучевая и локтевая кости торчали из обнаженной ткани запястья, темно-янтарный оттенок у плоти резко сменялся черным.

Со ступнями то же самое. Обуглившиеся кости выглядывали из кроссовок так, будто всепоглощающее пламя остановилось

посередине голени.

Конечности не пострадали от огня, однако ими не побрезговали грызуны, изглодавшие плоть и нетронутую кость. Ткани начали разлагаться, сквозь темную кожу проступал мраморный эффект. Никаких насекомых, а они могли бы подсказать, как давно идет процесс. В такое холодное время года это неудивительно. Мухам необходимо тепло.

Я поволил светом по комнате. В камине пепел, на каменном полу тоже был костер, на расстоянии двух метров от тела, но это ни о чем не говорит. Только без сознания горящий человек остается на месте.

Затем я осветил потолок. Прямо над телом потрескавшаяся штукатурка почернела от дыма, но не обуглилась, лишь покрылась маслянистым коричневатым налетом. Тот же жирный осадок был на полу около останков.

– Что это такое коричневое? – спросил Фрейзер.

– Жир. Из горящего тела.

Он поморщился.

Вернулся Дункан с прожектором. Ставя его на пол, он смотрел на жертву широко открытыми глазами.

– Я читал о подобных штука! – выпалил он и тотчас смутился: на него все уставились. – Как люди загораются без всякой причины. А вокруг все остается целым.

– Перестань чушь молоть, – фыркнул Фрейзер.

– Такое бывает, – успокоил я Дункана. – Называется самовозгоранием.

Он довольно кивнул:

– Ага, точно!

Я сам об этом подумал, как только увидел останки. Самовозгорание человека относится к тому же разряду явлений, что снежный человек и НЛО: паранормальный феномен, которому нет логичного объяснения. Однако существуют документированные случаи, когда людей находили сгоревшими дотла в помещении, не тронутым огнем, часто с уцелевшими руками и ступнями. Выдвигался

целый ряд теорий: от одержимости дьяволом до микроволновых печей. Все сходилось во мнении, что, какова бы ни была причина, подобные происшествия непостижимы современной наукой.

Я не верил в это ни на йоту.

Фрейзер злобно смотрел на Дункана.

– Что тебе может быть известно?

Дункан бросил на меня робкий взгляд.

– Я видел фотографии. Одна женщина сгорела точно так же. Осталась одна нога в ботинке. Ее прозвали «женщина-зола».

– Мэри Ризер, – уточнил я. – Пожилая вдова из Флориды. Дело было в пятидесятых. Сохранилась нога от голени с тапочкой. Кресло, в котором она сидела, сгорело, как и стол с лампой рядом, однако все остальное огонь не тронул. Вы про это читали?

Дункан опешил.

– Ага, и о других случаях тоже.

– Они происходят время от времени, – согласился я. – Однако люди не загораются ни с того ни с сего. Что бы ни случилось с вот этой женщиной, ничего сверхъестественного и паранормального тут нет.

Броуди наблюдал за нами и слушал, не вмешиваясь в разговор. Теперь он подал голос:

– Откуда вы знаете, что это женщина?

На пенсии или нет, Броуди быстро соображал.

– По скелету. – Я посветил на то, что осталось от таза: различные очертания под пеплом. – Подвздошная кость слишком широка для мужчины. И головка плечевой кости маленькая. Она была ширококостной, и все же...

– Я уже говорил, что жертва не из местных жителей. Мы бы заметили пропажу. Можете определить, как давно она здесь?

Хороший вопрос. Некоторые детали можно определить даже по сильно обгоревшим костям, но точное время смерти к ним не относится. Для этого используется степень разложения мышечных протеинов, аминокислот и жирowych кислот, которые обычно

уничтожаются огнем. В данном извращенном случае осталось достаточно мягких тканей, чтобы провести экспертизу. Это я сделаю в лаборатории, а пока могу только высказать экспертное предположение.

– Холодная погода обычно замедляет скорость гниения, – сказал я. – А здесь процесс уже пошел, значит, смерть наступила давно. Если отталкиваться от того, что тело не переносили – судя по выжженному полу, так и есть, – думаю, прошло четыре-пять недель.

– Подрядчики закончили работы намного раньше, – отметил Броуди. – Значит, это не они.

Фрейзер слушал с растущим раздражением: ему не нравилось, что бывший детектив взял инициативу в свои руки.

– Ага. Если женщина не из местных, то мы установим личность по списку людей, переправлявшихся на пароме. В этом году вряд ли было много туристов.

Броуди улыбнулся:

– Вам показалось, что в этой сфере услуг делают записи? Между Руной и Сторноуэем курсирует около дюжины лодок. Никто не следит за тем, кто приезжает и уезжает. – Он повернулся ко мне, игнорируя сержанта: – И что теперь? Полагаю, вы доложите Уоллесу, чтоб высылали следственную команду?

Не успел я открыть рот, как вмешался рассерженный Фрейзер:

– Мы не станем принимать никаких решений, пока доктор Хантер не закончит то, зачем сюда приехал. Пока ясно только, что какая-то алкоголичка напилась и заснула у костра.

Броуди оставался невозмутимым.

– И что же она делала на Руне посреди зимы?

Фрейзер пожал плечами:

– Может, у нее тут друзья или родственники. Или она относится к новому поколению любителей природы или чем они там занимаются. Они попадают на острова даже более отдаленные.

Броуди осветил фонарем череп, лежащий лицом вниз среди пепла, с небольшим наклоном в сторону, на макушке была зияющая

дыра.

– Думаете, она сама себе раздробила голову?

Я вмешался, пока не вскипели страсти:

– Вообще-то, бывает, череп разрушается при высокой температуре подобным образом. Он представляет собой герметичный сосуд с жидкостью и студнеобразной материей и при нагревании ведет себя как скороварка. Газ расширяется, и происходит взрыв.

Фрейзер побледнел.

– О боже...

– Вы до сих пор считаете, что это несчастный случай? – нерешительно спросил Броуди.

Я замялся, зная, как огонь способен вводить в заблуждение. Меня самого терзали сомнения. Однако Уоллес потребует факты, а не интуитивные догадки.

– Не исключено, – произнес я. – Понимаю, дело эксцентричное, но не подозрительное. Необходимо сделать детальный осмотр, а на первый взгляд нет однозначных указаний на убийство. Помимо черепа, никаких травм. Руки и ноги не были связаны.

Броуди нахмурился и потер подбородок.

– Разве веревка не сгорела бы?

– Это не имеет значения. От огня мышцы сокращаются, и труп принимает позу эмбриона. Однако если руки и ноги связаны, этого не происходит, пока цела веревка, а потом уже поздно.

Я осветил тело, демонстрируя, как оно скручено.

– Ноги и руки не прямые. Значит, ее не связывали.

Броуди не успокоился:

– Может. Я проработал полицейским тридцать лет. Повидал немало горелых трупов, несчастных случаев и убийств, но ничего подобного. Без катализатора тут не обошлось.

При обычных обстоятельствах он был бы прав. Однако здесь обычностью и не пахло.

– Катализатор типа бензина не помог бы, – уверил я. – Он горит недостаточно жарко. Даже если так, для разрушения организма до такой степени понадобилось бы такое количество бензина, что истлел бы весь коттедж.

– Так каким же образом?..

У меня была мысль на этот счет, но я пока не хотел ею делиться.

– Это мне и предстоит выяснить. Давайте обезопасим себя. – Я повернулся к Фрейзеру: – Вы можете оцепить дорогу к дверям и труп? Не хочу наследить больше, чем надо.

Сержант кивнул Дункану:

– Поторапливайся. А то проторчим тут всю ночь.

Вдруг через окна проник свет от фар. Выключился мотор.

– Похоже, у нас гости, – произнес Броуди.

Фрейзер уже сердито махал Дункану:

– Не пускай никого.

Но было поздно. В дверях появилась фигура. Молодая женщина, с которой я разговаривал на пароме. Красное пальто не по размеру просто кричало на фоне убогих стен.

– Выпроводи ее отсюда! – зарычал Фрейзер.

Она опустила фонарь, загораживая глаза от луча света, направленного ей в лицо.

– Так вы обращаетесь с прессой?

С прессой? Данный факт меня обескуражил. Ведь она представилась писательницей. Дункан замер в растерянности. Молодая женщина уже вглядывалась в глубь темной комнаты. Броуди попытался закрыть дверь, но ржавые петли заклинило. Они пронзительно скрипели, не поддаваясь.

Мэгги улыбнулась:

– Вы, должно быть, Эндрю Броуди. Мне рассказывала о вас бабушка. Я Мэгги Кэссиди, из «Льюис газетт».

Броуди не удивился ее внезапному появлению.

– Что вы хотите, Мэгги?

– Выяснить, что происходит. Не каждый день на Руну прибывает полиция, – улыбнулась она. – По счастливой случайности я ехала навестить бабушку. Вовремя, правда?

Теперь понятно, почему она так живо испарилась с парома: побежала за машиной. Дорога тут одна, и с «рейнджровером», припаркованным у коттеджа, нас не так сложно найти.

Она повернулась ко мне:

– Еще раз здравствуйте, доктор Хантер. Вы ведь не к больному сюда приехали?

– Не ваше дело, – бледнея, сказал Фрейзер. – Убирайтесь отсюда, пока я не вытолкал вас взащей.

– Это будет превышение должностных полномочий, сержант Фрейзер. Вы же не хотите, чтоб я подала на вас в суд? – Мэгги порылась в сумочке и достала диктофон. – Я прошу всего один комментарий. Не каждый день на Руне находят труп. Здесь ведь именно труп, так?

Фрейзер сжал кулаки:

– Дункан, выведи ее отсюда.

Журналистка тыкала в нас диктофоном:

– Есть предположения, кто это, или подозрения на убийство?

Дункан взял ее за руку.

– Идемте, мэм, – извиняясь, произнес он.

Мэгги отрешенно пожала плечами:

– Ладно. Не обижайтесь на меня за попытку.

Она развернулась уходить, но с плеча соскользнула сумочка. Дункан машинально нагнулся поднять, и тут Мэгги нырнула в сторону и вгляделась в темноту. Глаза округлились от шока.

– Боже мой!

– Вон! – Фрейзер пролетел мимо Дункана, схватил ее за руку и дернул, увлекая прочь.

– Ой! Больно! – Она подняла диктофон. – Я записываю. Меня силой выталкивает сержант Нил Фрейзер...

Фрейзер пропустил ее слова мимо ушей.

– Увижу, что вы здесь ошиваетесь, арестую. Понятно?

– Это несанкционированное применение силы!

Фрейзер уже вывел Мэгги из коттеджа и повернулся к Дункану:

– Посади ее в машину и проследи, чтоб уехала. Справишься?

– Извините, я...

– Выполняй!

Дункан поспешил наружу.

– Здорово! – Фрейзер кипел от ярости. – Этого нам только не хватало, назойливая писака!

– Она, кажется, вас знает, – отметил Броуди.

Фрейзер сердито уставился на него:

– Сейчас я запишу ваши показания, мистер Броуди. И больше вы нам не понадобится.

Броуди стиснул зубы, тем не менее никак не высказал досады.

– Где вы собираетесь разместиться на время следствия?

Фрейзер скептически прищурился:

– Что?

– Вы же не можете уехать, оставив место преступления без присмотра. Пока. Если есть желающие, могу предоставить жилой прицеп. Скромное убежище, но временно годится. – Он поднял брови. – Если, конечно, вы не планируете ночевать в машине.

Судя по выражению лица сержанта, он не продумал этот вопрос.

– Я пошлю с вами Дункана, чтоб подкатить фургон, – угрюмо сказал он.

В глазах Броуди читалась усмешка.

– Приятно было познакомиться, доктор Хантер. Удачи.

Все ушли, и я остался стоять в маленькой комнате, пытаюсь избавиться от ощущения беспокойства, возникшего наедине с трупом.

Не глупи. Стал обдумывать план действий, и мурашки пошли по коже. Я резко повернулся: показалось, вернулся Дункан или Фрейзер.

Помимо теней, комната была пуста.

4

Фрейзер ехал обратно в деревню, и я сидел на переднем сиденье «рейнджровера», сонный от удушающей жары печки и ритмичного стука дворников. Фары гипнотически застыли на дороге впереди, и за пределами конуса света мир скрылся во тьме, стекло покрылось разводами от дождя.

На тот вечер я сделал все, что мог. После того как Броуди увез Дункана обратно за туристическим фургоном, я воспользовался радио сержанта и доложил обстановку Уоллесу, пока сам Фрейзер оцеплял коттедж. Выслушав меня, детектив встревожился.

– Так, значит, Броуди не преувеличивал? – удивленно произнес он. Связь зашипела, угрожая прерваться.

– Нет. – Я глубоко вздохнул. – Послушайте, вам это не понравится, но стоит подумать, не выслать ли сюда следственную команду.

– Есть подозрения на убийство? – резко спросил он.

– Нет, но я не уверен. Невозможно точно определить, что скрывает пепел, и мне не хочется натоптать на месте преступления.

– Но вы ведь не нашли доказательств, указывающих на нечто конкретное? – не сдавался он. – Фактически, по вашим словам, все говорит об обратном.

У меня была лишь интуиция, но ее в довод не приведешь.

– Верно, но...

– Значит, выслать следственную команду на данном этапе будет лишь мерой предосторожности?

– Если смотреть на дело под таким углом, то да.

Уоллес почувствовал раздражение у меня в голосе и вздохнул.

– В привычных обстоятельствах я бы завтра же утром прислал вам команду. Но сейчас железнодорожная катастрофа имеет первостепенное значение. Под завалами люди, а погода замедляет проведение спасательных операций. Похоже, фургон, оставленный на путях, угнали и поставили на рельсы специально. Мне приходится

учитывать вероятность террористического акта. Поэтому на данный момент я не могу посылать людей на происшествие, которое скорее всего окажется несчастным случаем.

– А если нет?

– Тогда я прямо сейчас отправлю вам команду.

Повисло молчание. Я понимал его ход мысли, но меня он не очень радовал.

– Ладно. Если обнаружу что-нибудь подозрительное, доложу вам до прибытия следственной команды, – наконец произнес я. – И еще один момент. Хотелось бы поработать над установлением личности. Вы не могли бы предоставить мне данные о пропавших молодых женщинах, которые соответствуют основным параметрам жертвы? Раса, рост, возраст и тому подобное.

Уоллес уверил, что вышлет мне файлы по электронной почте, и закончил разговор без лишних церемоний. Повесив трубку, я попытался успокоить себя, что сделал все возможное. И вероятно, он прав. А я слишком осторожничаю.

Принесенный Фрейзером прожектор на батарее был слабой заменой лампам от генератора, которые обычно используются в подобных случаях, поэтому я решил подождать утра, чтоб произвести более достоверную оценку. Отбросив сомнения, я достал из кейса цифровой фотоаппарат и начал делать снимки останков.

В заброшенном коттедже с провисшими потолками и крошившимися стенами было нечто угнетающее. Я пытался не замечать иррациональную тревогу. Она не имела никакого отношения к жалкой куче костей и пепла посреди комнаты. Мертвые мне не страшны. Я видел смерть в разных обличьях и не верю в привидения. Если покойные и продолжают жить, то только в наших мыслях и сердцах.

По крайней мере мои находятся именно там.

И все же мне было беспокойно находиться одному в доме. Я списал это на усталость и жалобные завывания ветра, на тени от прожектора в каждом углу. Единственная опасность для останков

грозила от ветхой крыши. Все казалось таким неустойчивым, непогода набирала обороты, и мне не хотелось, чтоб крыша рухнула и накрыла хрупкие кости, пока я не успел их исследовать.

Я едва закончил фотографировать, как вернулся Дункан с фургоном. Это был маленький «уиннебейго». Внутри было тесновато, но безупречно чисто, как и в машине Броуди.

– Тебе там будет уютно, – сказал Фрейзер Дункану, похлопав по фургону. Я не удивился, что ночевать остается молодой констебль. Фрейзер кивнул в сторону коттеджа. – Если она приедет и начнет доносить тебя, можешь арестовать ее.

– Ага, спасибо! – радостно откликнулся Дункан.

Фрейзер ухмыльнулся. Пообещав привезти что-нибудь перекусить на ужин, сержант оставил напарника, который пытался разжечь парафиновый обогреватель, и предложил подвезти меня до города. Мы ехали около десяти минут, когда я увидел строение, стоявшее подобно маяку в темноте. Фары осветили внушительный дом.

– Здорово, наверно, иметь кучу бабок, – кисло отметил Фрейзер.

– А кто там живет?

– Человек по имени Страчан. Местные жители думают, будто солнце светит из его задницы. Приехал сюда пару лет назад и стал сорить деньгами. Отремонтировал дороги и дома, оплатил строительство новой школы и больницы. Богат до умопомрачения. Имеет собственную яхту, и жена – сногшибательная красотка. – Сержант презрительно фыркнул. – Везет же некоторым.

Я обернулся на освещенные окна, повисшие в темноте, и подумал: почему одних судьба балует, а других терзает? Тут мы повернули за угол, и дом пропал из виду.

Вскоре мы добрались до поселения, раскинутого во мраке. Дорога спускалась круто вниз к бухте, мигавшей янтарными огнями. Я уже различал дома с задернутыми шторами, скрывавшими от жителей зимнюю ночь.

Фрейзер повернул на узкую боковую улочку. Там одиноко стояло высокое старое здание с аккуратной табличкой «Отель Руна».

Выглядел он уютно и гостеприимно, но после такого дня любое место покажется раем.

Когда я вышел из машины, дождь стих. Раскромсанные тучи летели по чернильно-черному небу, и между ними мелькали яркие звезды и месяц, похожий на сломанный опал. Ночь была холодной, но вымытый дождем воздух обладал солоноватой свежестью. Даже здесь было так тихо, что я слышал, как волны бьют о залив, невидимые в темноте.

Я последовал за Фрейзером по ступеням и через двойные двери. Из длинного, залитого теплым светом коридора донесся приятный запах воска и свежее испеченного хлеба. Несколько поколений ног истоптали деревянный пол до цвета корицы, потолок и стены были покрыты старыми сосновыми досками, и мы словно вошли в древний корабль. Антикварные напольные часы ритмично тикали рядом с зеркалом в оправе из красного дерева, за давностью лет отражательная поверхность была испещрена крапинками.

В дверях на дальнем конце появилась молодая темно-рыжая женщина, примерно под тридцать, высокая и стройная, в джинсах и голубом свитере. Нос и скулы украшало созвездие веснушек, а над ними – удивительные глаза цвета изумрудного моря.

– Feasgar math, – сказала она и перевела для меня: – Добрый вечер. – Я знал, что на некоторых Гебридских островах до сих пор говорят по-гэльски, но слышал этот язык только во время произнесения тостов. – Вы, должно быть, сержант Фрейзер и доктор Хантер?

– Ага, – ответил Фрейзер, смотря на бар через открытую дверь. Оттуда доносились приятные голоса и смех.

– Я Эллен Маклеод. Ваши комнаты уже готовы. Будете ужинать?

Фрейзер с неохотой оторвал взгляд от бара.

– Не откажусь от горяченького, когда закину в номер сумки.

– А как же Дункан? – напомнил я.

– О, точно, – произнес Фрейзер без особого энтузиазма. – У меня там констебль на посту. Ему тоже не помешало бы подкрепиться. Вы

не могли бы упаковать ему еду?

– Конечно.

Фрейзер с голодным видом снова посмотрел на бар.

– Послушайте, позаботьтесь пока о докторе Хантере. А я... подожду там.

И он направился в бар. Неспроста у него на щеках и носу полопались капилляры.

– Сержант будет разочарован, если надеется раздобыть выпить. Кроме меня, здесь никого нет, – сказала Эллен и заговорщически улыбнулась. – Идемте, покажу вашу комнату.

Ступени скрипели под нашим весом, но держались успокоительно крепко. Темно-красный ковер обветшал и истерся, но все же был безукоризненно вычищен, как и весь дом.

Следуя за Эллен по лестничной площадке, я заметил наверху, меж перил, личико девочки. У меня екнуло сердце.

– Анна, тебе давно пора спать, – сердито сказала Эллен. – Марш в постель.

Малышка восприняла эти слова как приглашение спуститься вниз. Когда она появилась из темноты в ночной сорочке, у меня отлегло. Сходство с моей дочерью было не такое уж большое. Элис была старше и белокурая. Как мама. А этой девочке всего четыре или пять, и волосы темно-рыжие, как у хозяйки отеля.

– Я не могу заснуть, – сказала девочка, глядя на меня с откровенным любопытством. – Мне страшно из-за ветра.

– Забавно, раньше тебя это не беспокоило, – сухо ответила Эллен. – В кровать, юная леди. Я зайду к тебе, как только покажу доктору Хантеру его комнату.

Бросив на меня последний взгляд, девочка послушалась маму.

– Извините, – сказала Эллен, продолжая идти по коридору. – У моей дочери, кажется, здоровое любопытство.

Я выдавил из себя улыбку.

– Это хорошо. Меня зовут Дэвид. Сколько ей лет? Пять?

– Четыре. Крупная для своего возраста. – В ее голосе была нотка гордости. – У вас есть дети?

Я напрягся.

– Нет.

– Вы женаты?

– Был.

– Значит, развелись?

– Нет. Она умерла.

Эллен прикрыла рот рукой:

– Ой, извините...

– Ничего.

Хозяйка сразу догадалась:

– И не только жена, верно? Поэтому вы так испугались при виде Анны?

– Она была того же возраста, вот и все, – произнес я с напускным спокойствием. Встреча с малышкой задела меня за живое место, которое обычно прикрыто. Я улыбнулся. – Анна у вас милашка.

Эллен поняла намек.

– Вы бы так не говорили, если б знали, как она умеет добиваться своего. Такая маленькая, но порой превращается в капризную принцессу.

– У вас впереди еще подростковый возраст.

Она рассмеялась, открыто и чисто, и сама стала похожа на девочку.

– Не хочу пока об этом и думать.

Интересно, где отец? На руке Эллен не было обручального кольца, и казалось, что она тут одна всем заправляет. Впрочем, это не мое дело.

Она открыла дверь в дальнем конце коридора.

– Вот мы и пришли. Боюсь, не самый шикарный номер.

– То, что надо, – уверил я. Так и было. Спартанская комната, но чистая и удобная: одна тумбочка, старый сосновый комод с

зеркалом и шкаф по другую сторону, из-под стеганого одеяла в клетку выглядывали белоснежные простыни.

– Ванная в конце коридора. Общая, но только для вас с сержантом Фрейзером. В это время года у нас не много посетителей. – В ее голосе сквозило смирение. – Что ж, я вас оставлю. Спускайтесь в бар на ужин, когда вам будет удобно.

На комодѣ стоял телефон, значит, я смогу позвонить Дженни.

– Я могу где-нибудь поблизости выйти в Интернет? Хотелось бы проверить почту.

– Если у вас есть ноутбук, можете воспользоваться телефонной линией. Беспроводной связи у нас пока нет, зато есть широкополосная.

– Широкополосная? – удивился я.

– А вы думали, мы пользуемся дымовыми сигналами?

– Нет, просто...

Она улыбнулась моему смущению:

– Все в порядке. Я вас не виню. У нас бывают сбои при плохой погоде, поэтому похвастаться пока нечем. Хотя обычно все работает.

Когда Эллен ушла, я свалился на кровать. Пружины издали металлический скрежет, приняв мой вес. Боже! Оказывается, я сильно устал. Случай на лестнице пробил защиту, которую я выстроил после смерти Кары и Элис. Ушло немало времени, чтобы достигнуть состояния перемирия с холодным фактом, что я жив, а мои жена и дочь нет. Дженни во многом мне помогла, и я был благодарен судьбе за то, что мне представился второй шанс.

Однако время от времени утрата ударяла с такой силой, что становилось трудно дышать.

Я потерял глаза, усталость давала о себе знать. День был долгий. И он еще не закончился.

Достал ноутбук и положил его на комод. Взял телефон и стал ждать соединения. Дженни уже должна вернуться с работы, в свою квартиру в Клапаме, где мы неофициально вместе живем. Неофициально потому, что у меня квартира на востоке Лондона,

хотя я там редко бываю. Когда мы уехали из Норфолка полтора года назад, Дженни приходила в себя от насильственного похищения, во время которого чуть не погибла. Нам обоим казалось, что неплохо будет сохранять определенную степень свободы. В некоторой мере это у нас получалось.

Только недавно в наших отношениях появились первые трещины.

В том была моя вина. Когда мы познакомились, я был врачом-терапевтом. Фактически я и сейчас им являюсь, но выполняю совсем другую работу. Приходится часто уезжать, и постоянно помнишь о течении времени и о событиях, которые она предпочла бы забыть.

Я понятия не имел, как разрулить ситуацию. Работа для меня как воздух, но Дженни нельзя терять.

Становилось ясно, что наступит день, когда придется выбирать между ними.

Она долго не брала трубку.

– Привет, это я.

– Привет. – И повисло напряженное молчание. – Как там, на Гебридах?

– Холод и дождь. Как у тебя прошел день?

– Нормально.

Дженни – учительница. В Лондоне непросто найти работу, но ее взяли на полставки в детский сад, и ей там нравится. Нравятся дети. Однажды ей захочется завести своего ребенка. А я вот не уверен на сей счет.

В диалоге ощущалась неловкость.

– Послушай, мне жаль, что так получилось.

– Все в порядке.

– Нет, не в порядке. Я просто хочу объяснить...

– Не надо. Пожалуйста, – менее убедительно добавила она. – В этом нет смысла. Сейчас ты там. Я огорчилась, что ты не вернулся, вот и все.

– Я буду через день-другой, – заверил я, понимая, что это вилами по воде писано.

– Ладно.

Опять тишина.

– Пожалуй, я пойду, – сказал я. – Позвоню завтра вечером.

Дженни вздохнула:

– Дэвид...

У меня душа ушла в пятки.

– Что?

Пауза.

– Ничего. Просто мне хочется поскорей тебя увидеть.

Я повторил то же самое и нехотя повесил трубку. Сидя на кровати, я думал, что она не успела сказать. По-любому мне не хотелось это слышать.

Вздохнув, я подсоединил фотоаппарат к ноутбуку и закачал снимки из коттеджа. Около сотни видов останков с разных фокусов. Я быстро просмотрел их, убедившись, что ничего не упустил. Осветленные вспышкой рука и ноги не утратили шокирующего вида. Я неторопливо изучил дырявый череп. Похож на сотни других после огня. Хоть в учебник помещай: классический случай черепного взрыва.

Так почему же мне казалось, будто я что-то упустил?

Я смотрел на экран так долго, что заболели глаза, и не нашел ничего. В итоге я сдался. *Вероятно, Уоллес прав. Ты слишком осторожничаешь.*

Скопировав фотографии на карту памяти, я подключил ноутбук к Интернету, чтобы проверить почту. Обещанные Уоллесом файлы с пропавшими людьми пока не дошли, поэтому я ответил на неотложные сообщения, лег на кровать и закрыл глаза. Я бы тотчас заснул, если б не бурчание в животе, напоминавшее о том, что надо поесть.

Я встал с кровати и направился к двери. Проходя мимо окна, лениво бросил туда взгляд. Из темноты на меня уставилось собственное отражение, стекло было покрыто разводами от дождя,

но на секунду мне показалось, будто снаружи мелькнуло что-то, то есть кто-то.

Посмотрел внимательнее. На улице внизу стоял уличный фонарь – яркое желтое пятно. Больше ничего.

Обман зрения, решил я. И, выключив свет в номере, направился вниз.

5

Крохотная каморка бара вмещала всего несколько столов. Как и коридор, он был отделан сосновыми досками, и внутри возникало ощущение, будто находишься в гигантской деревянной коробке. Камин у стены выложен ракушками. В очаге горел торфяной брикет, наполняя воздух насыщенным ароматом.

Меньше дюжины посетителей создавали оживленную атмосферу. В голосах звучало занятное смешение шотландского распева и жесткого гэльского акцента. На меня устремились любопытные взгляды. Очевидно, досюда дошел слух о находке в старом коттедже благодаря, несомненно, Мэгги Кэссиди. Однако все тотчас вернулись к своим занятиям. У окна два старика играли в домино, черные костяшки отрывисто стучали по столу на фоне постоянного звона стаканов. Кинросс, бородатый капитан с парома, разговаривал у барной стойки с высоким пузатым мужчиной. С ними была женщина за сорок, чей пронзительный смех и прокуренный голос перебивали стоявший в баре гул.

Все столы были заняты. Фрейзера нигде не наблюдалось: видимо, он поехал отвезти ужин Дункану в фургон. Я остановился, чувствуя привычную неловкость при вторжении в чужую компанию.

– Господин Хантер. – За столиком у камина сидел Броуди. У его ног, свернувшись, спала старая колли. – Составите мне компанию?

– Спасибо, – обрадовался я знакомому лицу и поспешил к нему, протискиваясь мимо доминошников.

– Хотите выпить? – Перед ним стояла кружка с чаем. Я пока не ел, но выпить не помешало бы.

– Виски, пожалуйста.

Он пошел к бару, а я сел на стул напротив. Кинросс кивнул ему и пододвинулся с видом скорее почтительным, чем дружелюбным. Обслуживать было некому, поэтому Броуди просто налил виски в стакан и записал себе на счет мелом на дощечку у барной стойки.

– Вот. Айлейский солодовый пятнадцатилетней выдержки, – сказал он, поставив передо мной стакан с кувшином воды.

Я посмотрел на его чай:

– А сами вы не пьете?

– Больше нет.

Я добавил воды в виски.

– Ваше здоровье.

– Докопались до чего-нибудь после моего отъезда? – спросил он и тотчас грустно улыбнулся: – Извините, не следовало спрашивать. Старые повадки.

– Поделиться пока нечем.

Он кивнул и сменил тему:

– В фургоне удобно?

– Думаю, да. Там Дункан.

Броуди снова улыбнулся:

– Вытащил короткую спичку, а? Ему придется побывать в местах и похуже. Этот фургон пригодился, когда я вышел на пенсию. А с тех пор как приехал сюда, стоит без дела.

– Дункан сказал, вы работали с его отцом.

– Да, мир тесен. Мы вместе служили в территориальной армии, а затем в полиции юнцами. Последний раз как я видел Сэнди, его сын еще ходил в школу. – Он покачал головой. – Как время-то летит. Казалось, вчера бегали за воришками и мечтали о продвижении по службе, а сегодня...

Он замолчал, но преобразился при появлении Эллен.

– Приготовить вам что-нибудь поесть, доктор Хантер? – спросила она.

– Было бы неплохо, и называйте меня Дэвид.

– Дэвид, – повторила она и улыбнулась. – Надеюсь, Эндрю не досаждаст вам. Знаете, какие бывают бывшие полицейские.

Броуди нарочито сурово пригрозил пальцем:

– Это клевета.

– Кусок домашнего яблочного пирога искупит мою вину?

Он постучал по животу:

– Звучит соблазнительно, но я, пожалуй, откажусь.

– Небеса не свалятся на землю, если вы доставите себе удовольствие.

– Всякое бывает.

Эллен рассмеялась:

– Да, помню, как вы таскали конфеты для Анны.

Крупный мужчина с Кинроссом вдруг подал голос:

– Налей нам, Эллен.

– Минутку, Шон.

– Может, нам самим обслужить себя? Мы умираем от жажды, – заявила женщина из их компании. Она была пьяна, и, судя по взгляду, это было ее обычное состояние. Пару лет назад она могла бы показаться привлекательной, но сейчас лицо сделалось одутловатым, погрубело.

– В прошлый раз, Карен, обслуживая себя, ты забыла записать себе в счет, – парировала Эллен стальным голосом. – Я разговариваю с клиентами и уверена, вы не умрете за две минуты.

Она повернулась к нам и не успела заметить ярость на лице женщины.

– Извините. Стоит немного выпить, и некоторые забывают о манерах. Так что вы будете? Есть тушеная баранина или, если хотите, сделаю сэндвич.

– Баранина – это хорошо. И ничего страшного, если сначала вы их обслужите.

– Подождут. Им пойдет на пользу.

– Эллен, – тихо произнес Броуди.

Хозяйка вздохнула и устало улыбнулась.

– Ладно, знаю, – согласилась она и пошла к барной стойке.

– Эллен иногда... вспыльчива, – нежно сказал Броуди. – Порой провоцирует ссоры, но отель – единственное пивное место на Руне, поэтому приходится либо подчиняться правилам, либо сидеть дома.

Она хорошо готовит. Брала кулинарные курсы в колледже. Я тут почти каждый вечер ем.

Даже если бы Фрейзер не сказал мне, что Броуди отдалился от жены и дочери, я бы догадался, что он холост. Было в нем нечто отшельническое.

– Она одна управляет отелем?

– Да. И это нелегко, но приезжих не так много.

– Куда делся муж?

– Никогда не было. Встречалась с кем-то на материке. Не рассказывает.

Судя по виду, Броуди тоже не хотел углубляться в эту тему. Он прочистил горло и кивнул в сторону народа у барной стойки:

– Давайте расскажу вам о личностях Руны. Кинросса вы видели уже на пароме. Задира, но у него жизнь не сахар. Жена умерла пару лет назад, оставив подростка-сына. Горлопан с пивным животом – Шон Гутри. Раньше был рыбаком, но заложил лодку. Есть у него еще старая лодка, которую он пытается залатать, а пока перебивается случайными заработками, иногда помогает Кинроссу на пароме. Обычно безобиден, однако, когда выпьет, лучше держаться от него подальше.

Пронзительный женский смех заглушил Броуди.

– А это Карен Тейт. Заправляет магазином, когда трезва. У нее шестнадцатилетняя дочь Мэри, которая... впрочем, не важно. Карен следовало бы посвящать больше времени дочери, но она предпочитает каждый вечер подпирать здесь барную стойку.

По выражению лица Броуди было понятно, насколько он этого не одобряет.

Тут повеяло холодом: открылась дверь. Секундой позже со скрежетом когтей по полу в комнату залетел золотистый ретривер.

– Оскар! Оскар!

Появился мужчина лет сорока, эдакий Байрон нашего времени. Черный непромокаемый плащ был явно недешев. Как и обладатель, он выделялся среди потрепанных курток островитян.

Все замолчали. У окна даже прекратили играть в домино. Мужчина щелкнул пальцами, и собака засеменила к нему, виляя хвостом.

– Извините, Эллен, – непринужденно сказал он, отрывисто произнося гласные, как это делают африканцы. – Едва открыл дверь, как он рванул внутрь.

Эллен не впечатлили ни новый гость, ни его извинение.

– Купите поводок. Это отель, а не конура.

– Понимаю. Больше такого не случится.

Мужчина посмотрел с напускным раскаянием и, как только она отвернулась, заговорщически подмигнул людям в баре, и те заулыбались. Очевидно, этот человек пользовался популярностью.

– Добрый вечер всем. Мерзкая погода сегодня, – отметил он, снимая плащ.

В ответ прозвучало хоровое «Oidchche mhath» и «ауе». Если б он сказал: «Хорошая сегодня погода», с ним бы согласились столь же рьяно. Однако новый гость или не замечал благоговейного к себе отношения, или принимал его как само собой разумеющееся.

– Хотите выпить, господин Страчан? – спросил Кинросс с нелепой официальностью.

– Нет, спасибо, Йен. Но я с удовольствием сам угощу. Наливайте и записывайте на мой счет. – Он улыбнулся женщине у барной стойки, и в уголках появились морщинки. – Привет, Карен. Давно тебя не видел. Как дела у Мэри?

Та куда охотнее поддалась его очарованию, чем Эллен. Даже издали я заметил румянец на щеках.

– Спасибо, хорошо, – ответила Карен, довольная, что на нее обратили внимание.

Только теперь он повернулся к нам с Бродди.

– Добрый вечер, Эндрю.

Бродди холодно кивнул. Выражение лица было гранитно-каменным. Он поставил ногу между своей колли и охотничьим псом, который к ней принюхивался.

– Отстань от нее, Оскар. – Хозяин хлопнул пса перчаткой.

Собака послушалась, виляя хвостом, а мужчина улыбнулся мне. Несмотря на самоуверенность, было в нем нечто подкупающее.

– А вы, должно быть, сегодня приехали. Меня зовут Майкл Страчан.

Я уже догадался, что это тот самый человек, о котором Фрейзер рассказывал мне по дороге из коттеджа: неофициальный помещик Руны и владелец большого дома. Он оказался моложе, чем я ожидал.

– Дэвид Хантер, – ответил я и пожал протянутую руку. У него была сильная хватка.

– Могу я и вас угостить? – предложил он.

– Спасибо, не надо, – отказался я.

Броуди с непроницаемым видом поднялся. Он был на полголовы выше Страчана.

– Я собирался уходить. Приятно было снова повидать вас, доктор Хантер. Идем, Бесс.

Собака послушно засемила следом. Страчан проводил его взглядом, уголки рта приподнялись в легкой улыбке, а затем повернулся ко мне:

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Не дожидаясь ответа, он сел на место Броуди и небрежно бросил перчатки на стол. В черных фирменных джинсах и угольно-сером кашемировом свитере с закатанными рукавами, откуда выглядывали загорелые руки и швейцарские армейские часы, он выглядел как человек, который лучше бы вписался в Сохо, чем на Гебридские острова.

Золотистый ретривер сел рядом, поближе к огню. Страчан нагнулся и почесал его за ухом, сам получая не меньше удовольствия.

– Вы друг Эндрю Броуди?

– Мы сегодня познакомились.

– Боюсь, я ему не нравлюсь, как вы сами заметили. Уверен, он был хорошим полицейским, но нельзя же быть таким суровым!

Я ничего не ответил. Пока Броуди произвел на меня положительное впечатление. Страчан откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу.

– Надо понимать, вы... как это называется... судебный антрополог? – Он улыбнулся. – На Руне сложно сохранить что-либо в тайне. У нас тут живет бабушка одной журналистки.

Я вспомнил, как Мэгги Кэссиди подошла ко мне на пароме. Споткнулась, представилась писательницей и пыталась выкачать информацию.

И я купился.

– Не стоит переживать по этому поводу, – успокоил меня Страчан. – Тут редко случаются захватывающие события. Не то чтобы они нам нужны. Последнее происшествие с летальным исходом было, когда старый фермер пошел ночью домой, перепив виски. Потерялся и замерз. А тут совсем другое.

Страчан сделал паузу, предоставляя мне возможность дать комментарий. Я промолчал, и он продолжил:

– Что произошло? Несчастный случай?

– Извините, мне не положено об этом рассказывать.

– Ах да, разумеется, – извиняясь, улыбнулся Страчан. – Простите мое любопытство. У меня, так сказать, здоровый интерес к делу. Я вложил много денег в реконструкцию острова. Приглашал на остров подрядчиков. Страшно подумать, что привлек вместе с ними проблемы больших городов.

Он казался искренне взволнованным, но я не повелся.

– У вас акцент не как у местных жителей, – сказал я.

– И он меня выдает, да? – улыбнулся Страчан. – Мои предки – шотландцы, однако я вырос в Йоханнесбурге. Мы с женой переехали на Руну пять лет назад.

– Далековато от Южной Африки.

Страчан потрепал собаку за уши.

– Верно. Мы много путешествовали, и настало время пустить корни. Мне понравилась отдаленность этого места. Как и в краях, где

я вырос. Тогда тут был полный упадок. Никакого производства, население убывало. Еще пару лет, и остров повторил бы участь Сент-Килды.

Я как-то смотрел документальный фильм про Сент-Килду, один из Гебридских островов, заброшенный в тридцатые годы и пустующий с тех пор. Он превратился в остров-призрак, где кружат морские птицы и бывают только исследователи.

– И вы помогли поставить Руну на ноги?

Страчан смутился:

– Здесь еще много надо сделать, и я не хочу приписывать себе все заслуги. Однако Руна теперь – наш дом. Грейс, моя жена, работает в школе, мы влились в здешнюю жизнь. Эй, Оскар, что такое?

Золотистый ретривер с ожиданием смотрел на дверь. Я не слышал приближения человека, но вскоре распахнулась входная дверь. Пес восторженно залаял, хвост застучал по полу.

– Не знаю, как у него получается, но он всегда чует, – сказал Страчан, качая головой.

«Что чует?» – подумал я, и тут в бар вошла женщина. Жена Страчана не нуждалась в представлении. И не только потому, что была очень красива. Белая куртка «Прада» резко контрастировала с густыми волосами цвета воронова крыла, обрамлявшими лицо с безупречной кожей и пухлыми губами. Глаз не отвести.

Дело не только во внешности. Она излучала энергию, чисто физическую притягательность, которая заливала светом всю комнату. Вспомнились завистливые слова Фрейзера: «Жена – сногшибательная красотка».

Он прав.

Едва заметная улыбка стала шире при виде Страчана.

– Поймала тебя! Так вот где ты бываешь, когда идешь «по делам»?

У нее был тот же легкий южноафриканский акцент. Страчан поднялся и поцеловал ее.

– Виноват. Как ты догадалась, что я здесь?

– Пошла в магазин, он оказался закрыт, – сказала она, снимая перчатки из черной кожи с меховой каемкой – очевидно, дорогие. На левой руке были обыкновенное золотое обручальное кольцо и кольцо с бриллиантом, отливавшим голубоватым блеском. – В следующий раз когда захочешь тайно пропустить рюмочку, не оставляй машину у входа.

– Это Оскар виноват. Он затащил меня сюда.

– Оскар, негодник, как ты посмел? – Она потрепала собаку, которая начала возбужденно прыгать вокруг. – Ладно, успокойся.

Затем посмотрела на меня, ожидая, чтоб нас представили. Карие глаза были столь темными, что казались черными.

– Это Дэвид Хантер. Дэвид, это моя жена Грейс.

Она улыбнулась и протянула мне руку:

– Приятно познакомиться, Дэвид.

Целуя руку, я почувствовал тонкий запах духов с мускусом.

– Дэвид – эксперт судебной медицины. Он прибыл сюда с полицией, – пояснил Страчан.

– Боже, какой ужас! – Грейс посерьезнела. – Надеюсь, жертва не из местных жителей. Звучит эгоистично, но... вы меня понимаете.

Я понимал. Когда речь заходит о несчастьях, мы все становимся эгоистичны и начинаем молиться: «Только не я, только не со мной».

Страчан поднялся.

– Приятно было встретиться с вами, доктор Хантер. Может, еще пересечемся до вашего отъезда.

Грейс томно потянулась.

– Могу я выпить хоть бокальчик, раз уж зашла?

– Угощаю, госпожа Страчан.

Предложение последовало от Гутри, мужчины с увесистым животом. Создавалось впечатление, он выпил много больше других. Забытая Карен Тейт позеленела от ревности.

Грейс Страчан душевно ему улыбнулась:

– Спасибо, Шон, но, вижу, Майкл порывается уйти.

– Извини, дорогая. Мне показалось, ты хочешь домой. Я собирался готовить мидии на ужин, но если ты не голодна...

– Похоже на шантаж. – Она посмотрела на мужа с хитрецей.

Страчан повернулся ко мне:

– Будет время, езжайте в горы посмотреть захоронения в каменных пирамидах. Там целая группа. Из неолита. Это нечто.

– Не у всех такие пристрастия, дорогой. – Грейс покачала головой с деланным раздражением. – Майкл увлекается археологией. Старые руины нравятся ему больше меня.

– Это просто хобби, – уверил Страчан, смутившись. – Идем, Оскар, ленивец наш. Пора.

Он помахал рукой в ответ на уважительные пожелания «спокойной ночи», провожавшие их до самых дверей. На выходе они едва не столкнулись с Эллен. Она резко остановилась и чуть не опрокинула тарелку с тушеной бараниной.

– Прости, – сказал Страчан, держа Грейс за талию.

– Ничего. – Эллен вежливо улыбнулась обоим. Мне показалось, она бросила неоднозначный взгляд на красотку. – Добрый вечер, госпожа Страчан.

В голосе звучала крайняя сдержанность, но Грейс вроде не заметила.

– Привет, Эллен. Тебе понравился рисунок, который Анна принесла из школы?

– Да, висит теперь на двери холодильника, с остальной галереей.

– У девочки талант. Ты должна ею гордиться.

– Я горжусь.

Страчан шагнул к двери – очень уж ему хотелось уйти.

– Всего доброго.

С лицом, лишенным всякого выражения, словно маска, Эллен поставила передо мной тарелку. В ответ на мои благодарственные слова поверхностно улыбнулась и тотчас повернулась уходить. Видно, Броуди не единственный на Руне, кто не особо впечатлен золотой парочкой.

– Сука! – раздалось эхом в тишине бара. Кипя от злости, Карен смотрела на дверь, и было непонятно, в чей адрес прозвучало оскорбление.

Кинросс с суровым видом покачал указательным пальцем:

– Хватит, Карен.

– Так и есть. Гордячка...

– Карен!

Женщина замолкла, не скрывая обиды. Постепенно бар стали заполнять привычные звуки. Возобновились щелчки костяшек домино по столу, и напряжение моментально растворилось.

Я приступил к тушеной баранине. Броуди оказался прав: Эллен прекрасно готовит. Во время еды я вдруг почувствовал, что на меня кто-то пристально смотрит. Подняв глаза, увидел, как Кинросс с холодной настороженностью пялится на меня из-за барной стойки. Он выдержал мой взгляд, затем медленно отвел глаза в сторону.

Когда я проснулся, в номере было темно. Тусклый свет пробивался через единственное окно, завешенное шторами. Ни звука. Ветер и дождь стихли. Слышалось лишь собственное дыхание: равномерный вдох и выдох, словно они исходили от другого человека.

Не знаю, когда до меня дошло, что я не один. Это было скорее постепенное осознание чьего-то присутствия, чем неожиданный шок. В полумраке у кровати сидел человек.

Хотя я видел только смутные очертания, было понятно, что это женщина. Она смотрела на меня, но я не испытывал ни удивления, ни страха. Только груз немого ожидания.

Кара?

Глупая надежда. Кто бы то ни был, это не моя погибшая жена.

«Кто ты?» – кажется, произнес я. Слова не колыхнули холодный воздух комнаты.

Она не ответила. Продолжила терпеливо сидеть на полу, словно я и так знаю все, что мне надо знать. Я попытался разглядеть черты или выражение лица. Не смог.

От порыва ветра задрезжала рама, и я вздрогнул и огляделся. Повернувшись обратно, заметил, что комната пуста. И всегда была пустой. Мне приснился сон. Тревожно-реалистичный, но всего лишь сон.

После смерти жены и дочери со мной такое часто случается.

Еще один порыв сотряс стекло, ударив по нему дождем, словно горстью гальки. Снаружи донесся крик. То могла быть сова или другая ночная птица. Что угодно. Я встал с кровати и подошел к окну. Уличный фонарь качался на ветру. Нечто светлое мелькнуло с краю его желтого ореола и исчезло.

Я стоял и ждал повторного появления, пока холод от окна не вынудил меня вернуться в постель.

6

В то время как я смотрел из окна номера, Дункан мучился, сторожа́ коттедж. Ветер усиливался и раскачивал фургончик, словно лодку во время шторма. Дункан предусмотрительно поставил парафиновый обогреватель в угол, чтобы тот не упал. Голубое пламя шипело на расстоянии метра от него, за крошечным столиком. Хотя и тесно, но уж лучше, чем в «рейнджровере» или в прихожей коттеджа, где его наверняка оставил бы Фрейзер. Нет, Дункана смущало не пребывание в фургоне.

Он просто ни на секунду не мог забыть о том, что лежало в доме.

Сержант привез еду и не стал долго задерживаться. Несомненно, спешил в бар: судя по запаху изо рта, он уже приложился к виски. Дункан провожал машину взглядом с таким страхом, какого не испытывал с самого детства.

Он боялся не пустоты. Самой по себе. Дункан жил на острове, где, стоит выехать из города Сторноуэй, достаточно мест без признаков жизни. Просто раньше он никогда не оставался на краю света один.

Тем более с сожженным трупом в двадцати метрах.

Из головы не выходил образ уцелевших конечностей и обуглившихся костей. Что бы там ни произошло, останки некогда были человеком. Женщиной, если верить доктору Хантеру. В этом самое страшное: существо, которое в прошлом смеялось и плакало, превратилось в такое... От одной мысли мурашки шли по коже.

Слишком богатое воображение, вот в чем твоя проблема. И всегда была. Полезно ли полицейскому иметь такое воображение? Не хватает наблюдательности, чтобы замечать факты и не теряться вечно в вопросах «А что, если?». Ничего не поделаешь: так уж работает мозг. А что, если женщина сгорела по не объяснимой наукой причине? А что, если ее убили?

А что, если убийца до сих пор находится на острове?

Эй, а что, если ты перестанешь пугать себя до смерти? Дункан вздохнул и поднял привезенный с собой учебник криминологии. Фрейзер посмеялся бы над ним, но Дункан был полон решимости стать детективом. Если занимаешься каким-то делом, надо стараться выполнять его хорошо. Выучить как можно больше, и не страшно, если придется поднапрячься, оно того стоит. В отличие от других Дункан не чурался трудностей.

Однако тем вечером ему было сложно сконцентрироваться. Наконец он отложил книгу. *Поставлю чайник. Хоть чаю полью.* Дункан подумал, что к концу пребывания здесь его будет воротить от чая.

Когда он поднялся наполнить чайник в крошечной раковине, ветер стих, набирая силы для следующего удара. После недолгого спокойствия Дункан услышал снаружи посторонний шум, но его тотчас заглушил порыв ветра. Констебль был уверен, что ему не показалось.

Гул мотора.

Выглядывая в окошко, он ждал увидеть фары «рейнджровера». Однако снаружи оказалось темно.

Даже если бы звук исходил от проезжавшей мимо машины, свет никуда бы не делся. Значит, померещилось...

Или кто-то выключил фары, чтоб скрыть свое приближение.

Глоток свежего воздуха пойдет мне на пользу. Дункан достал куртку, прихватил тяжелый фонарь и вышел из фургона. Чуть не включил фонарь, но вовремя спохватился: свет привлечет внимание. Дункан медленно подбирался к коттеджу, ориентируясь в пространстве только благодаря просветам между облаками. Тяжелый длинный фонарь придавал уверенности: если что, послужит дубинкой. Хотя вряд ли понадобится. За домом мелькнула вспышка.

Дункан замер, сердце заколотилось. Протянул руку за радио, чтобы связаться с Фрейзером, но остановился. Незванный гость может его услышать. Констебль снова двинулся вперед. Дверь была

по-прежнему опечатана лентой. Вдоль по стенке он шел к углу коттеджа.

Встал и прислушался. Скрежет по камню, шелест высокой травы. Никаких сомнений – там определенно кто-то есть.

Сжимая в руке фонарь, Дункан напрягся. *Спокойно*. Он сделал глубокий вдох, еще один. *Ладно, готов...*

Выпрыгнув из-за угла, он включил фонарь.

– Стоять! Полиция!

Последовало приглушенное чертыхание, и чья-то тень рванула прочь. Дункан погнался следом, мокрая трава спутывала ноги. Человек впереди споткнулся и упал. Схватив его за плечо, констебль развернул чужака и направил фонарь прямо в лицо.

От яркого света защурилась Мэгги Кэссиди.

– Слезь с меня! Я, кажется, сломала ногу.

Дункан вздохнул с облегчением. И чувством вины. Помогая журналистке подняться на ноги, он заметил, что она ему едва по плечо.

– Ты до смерти напугал меня своим криком! – проворчала она. – Молись, чтоб моя нога была в порядке, иначе я подам в суд.

– Что вы здесь делаете? – спросил Дункан, стараясь не принимать оборонительную позицию.

После секунды раздумий последовал ответ.

– Приехала тебя проведать, – улыбнулась Мэгги. – Не очень-то весело торчать здесь.

– А почему вы смотрели в окно коттеджа?

– В фургоне нет света. Подумала, ты в доме.

– Да, конечно. – Дункан заметил, как она пытается засунуть что-то себе в карман. – Что у вас там?

– Ничего.

Однако он уже светил фонарем на руку, сжимавшую мобильный телефон.

– Отсюда сложно дозвониться, – сказал Дункан. – Вы же не собирались делать фотографии?

– Нет, конечно, нет...

Констебль протянул руку.

– Послушайте, я не успела ничего снять, ясно? – запротестовала Мэгги.

– Тогда вам не составит труда показать мне содержимое, так?

Мэгги опустила плечи и показала дисплей.

– Все равно ничего толком не видно, – пробурчала она, показывая два смазанных белесых снимка.

Дункан понимал, что пользы от них никакой, сам не мог разобрать ничего, но все же велел удалить их.

– Остальные тоже.

– Это все.

Он пристально посмотрел на нее. С раздраженным вздохом Мэгги показала остальные фотографии.

– Вот про эту вы, наверно, забыли, да? – бодро спросил констебль, когда появился еще один снимок коттеджа.

– Теперь доволен? – спросила она, удаляя последний. – А теперь что будешь делать? Арестуешь меня?

Дункан сам задавал себе тот же вопрос. Вроде журналистка не нарушила закон. Она ведь не пересекала ленты.

К тому же она ему чем-то нравилась.

– Обещаете, что больше не будете туда лезть? – произнес он строгим голосом.

– Не буду, честно. Ой! – Мэгги вздрогнула, ступив на поврежденную ногу.

– Вы в порядке?

– Вполне. Могу быть свободна?

Дункан замялся.

– Где ваша машина?

Она махнула на дорогу:

– Там оставила.

– Вы уверены, что дойдете?

– Не сомневайтесь, доползу.

Улыбаясь, Дункан наблюдал, как маленькая фигурка прыгает по дороге, светя перед собой фонарем. Затем направился к фургону. Войдя внутрь, заметил на пороге грязный след. *Чертов Фрейзер. Никогда не вытирает ноги.*

Думая о Мэгги, он включил газ под чайником.

Машина Мэгги была припаркована на расстоянии пятидесяти метров. Хромота прошла, как только удалился Дункан, но она продолжала хмуриться. Бабушкина машина «мини» была грудой металла, и все же лучше, чем ничего.

Она села за руль и проверила мобильный. Сама стерла все фотографии и все равно не могла поверить, что они исчезли. Пусто.

– Черт! – громко произнесла Мэгги.

С отвращением забросив телефон в сумочку, она достала диктофон и нажала кнопку «запись».

– Напрасная трата времени. Так и не получилось разглядеть тело. Последний раз пытаюсь играть в разведчика.

Сердитый взгляд растаял, сменившись грустной улыбкой.

– Вот напугал. Чуть не описалась, как в детском саду, играя в прятки. Боже, этот молодой констебль прыгнул на меня как бешеный. Как его зовут-то? Кажется, Дункан. Рьяный трудяга, но гуманный. Симпатичный. Интересно, женат ли?

Продолжая улыбаться, она сохранила запись и завела мотор. Фары залили дорогу светом, из трубы вырвались выхлопные газы. Мэгги выехала на дорогу.

Воцарилась тишина. Секунду ничего не шевелилось. Затем от площадки, где только что стояла машина, отделилась тень и направилась в темноту.

7

Дневной свет несмело заполнял небо, пока я следующим утром принимал душ и брился. Всю ночь дождь не прекращался, оставалось только надеяться, что с останками ничего не случилось. Я волновался, несмотря на то что они уже пролежали там несколько недель и не было причин думать, будто крыша разваливающегося коттеджа не выдержит еще несколько дней, даже в такую погоду. И все-таки я вздохну с облегчением, когда их переместят в более надежное место.

После странного сна я так и не заснул. Усталый, вышел в Интернет проверить почту, дошли ли обещанные Уоллесом файлы с пропавшими людьми. Дошли, всего пять. Не было времени просматривать, и я просто скачал их и спустился завтракать.

Бар служил заодно столовой, и я почти закончил есть, когда вошел Фрейзер с красными от похмелья глазами. Запах неусвоенного алкоголя чувствовался даже на расстоянии. Вернувшись накануне вечером из коттеджа, Фрейзер устроился в баре. Там я его и оставил. Судя по виду, сержант проторчал в баре всю ночь.

Я едва сдержал улыбку, когда он начал осторожно попивать чай.

– У меня в сумке есть аспирин, – предложил я.

– Не надо! – прорычал Фрейзер.

С явным отвращением он посмотрел на тарелку с яичницей, беконом и сосисками, которую поставила перед ним Эллен. Затем взял нож и вилку и принялся поглощать пищу с решимостью марафонца.

– Вы еще долго? – спросил я, готовый отправиться в путь, ведь дни так коротки в это время года.

– Нет, – пробурчал он и трясущейся рукой поднял вилкой капающее яйцо.

Эллен забрала мою тарелку со стола.

– Если хотите, можете взять мою машину. Она мне сегодня не нужна.

– Прекрасная мысль, – быстро согласился Фрейзер с набитым ртом. – У меня есть дела на месте. Надо поспрашивать людей, знали ли кто погибшую женщину.

Тот факт, что тело принадлежало женщине, пока еще не стал достоянием общественности. Я взглянул на Эллен и понял, что она не пропустила фразу мимо ушей. Однако посмотрела на меня понимающе.

– Если вы готовы, принесу вам ключи.

Я пошел за ней следом.

– Послушайте, насчет того, что сказал сержант Фрейзер... – начал я.

– Не беспокойтесь, я буду молчать, – улыбнулась она, заходя на кухню. – Когда управляешь отелем, невольно учишься хранить секреты.

Кухня была в пристройке на первом этаже, новее, чем остальная часть отеля. На газовой плите стояли тяжелые кастрюли, почерневшие за долгие годы, а в высоком сосновом комодке громоздилась разная посуда. На деревянном столе лежали детская раскраска и набор карандашей. Эллен порылась в ящике и достала ключи, затем повела меня через дверцу в маленький двор. У стены стояли баллоны с пропаном, как вертикальные оранжевые бомбы. На дорожке был припаркован старый «фольксваген-жук».

– Не ахти какая машина, но надежная, – сказала Эллен, отдавая мне ключи. – И я сделала для вас всех сэндвичи и термос с чаем. Вряд ли соберетесь возвращаться на обед.

Я поблагодарил хозяйку. «Фольксваген» запыхтел при запуске, но достаточно бодро загрохотал по дороге. Погода не улучшилась: серое небо, ветер и дождь. По крайней мере поселение оживилось с утра. На улицах появились люди, дети сенили через ворота в маленькую, но новую школу. Я всмотрелся, нет ли среди них Анны, но не смог опознать: все в куртках с капюшонами. Их вводил внутрь

мужчина в остроконечной шерстяной шапке, тощий даже в толстом пальто. Остановился и уставился на меня. Когда я кивнул, он отвел взгляд.

На выезде из деревни по-прежнему стоял Бодах Руна, древний камень, о котором говорил Броуди. Остров не отличался красотой пейзажа, но величия у него не отнять: холмы, темные торфяники, усыпанные овцами. Единственным человеческим обиталищем был дом, принадлежащий Страчану. На этот раз в окнах не горел свет, однако впечатление он производил не меньшее. Ветра с Атлантического океана потрепали гранитные стены и многостворчатые окна, и все же дом построен на века.

Когда я приехал, «вольво» Броуди уже была припаркована у коттеджа. Бывший детектив и Дункан находились в фургоне, на крошечной плите шипел чайник. Воздух в тесной кабине был затхлым от парафиновых паров.

– Доброе утро, – поприветствовал меня Броуди. Он сидел на обветшалой обитой скамейке, возвышавшейся по самый складной стол, у ног спала собака. Я почему-то не удивился, что он там. Пусть и на пенсии, он не из тех людей, которые спокойно займутся своим делом, обнаружив такое. – Сержант Фрейзер не с вами?

– У него дела в деревне.

На лице Броуди отразилось неодобрение, тем не менее он промолчал.

– Не возражаете, если я снова пойду с вами? – спросил он, словно читая мои мысли. – Я разговаривал сегодня утром с Уоллесом. Он сказал, вам решать.

– Я не против.

Убедившись, что Броуди не преувеличивал, сообщая о трупе, Уоллес, видимо, обрадовался присутствию бывшего детектива на месте трагедии. Я тоже. Может, Фрейзер не будет в восторге, но кому помешает человек с опытом Броуди?

Дункан зевнул. У него был такой вид, будто он не спал всю ночь, а бекон с яичницей, что сделала Элен, он разворачивал с

энтузиазмом ребенка на Рождество.

– Ночью у нас были гости, – сказал мне Броуди с многозначительным взглядом.

Жуя сэндвич, Дункан описал, как Мэгги Кэссиди пыталась сфотографировать останки.

– У нее так ничего и не получилось, – уверил он. – И я взял с нее обещание больше и не пытаться.

Броуди скептически поднял бровь, но промолчал. На столе лежал толстый учебник по криминологии с закладкой в самом начале.

– Изучал? – спросил я.

Констебль покраснел:

– Не особо. Просто надо было что-то почитать.

– Дункан только что поделился со мной, что собирается податься в отдел уголовного розыска, – сказал Броуди.

– Пока я не посвящал учебе достаточно времени, – быстро добавил Дункан, по-прежнему смущенный.

– Не помешает знать, чего хочешь достигнуть, – прокомментировал Броуди. – Я тут рассказал о паре преступлений, над которыми мы работали с его отцом.

Дункан широко улыбнулся. Я достал кейс с вещами, которые всегда ношу с собой на работу: диктофон для записи наблюдений, одноразовая спецовка, ботинки, латексные перчатки, полотенца, щетки и два сита разных размеров. И полиэтиленовые пакеты для улики. Море пакетов.

Перчаток осталось не так много после работы в Грампианских горах. Спецовка была большого размера и налезала поверх куртки. Надел все, что нужно, включая защитные галоши. Обычно у меня есть химический раствор для нагрева рук, но он закончился. Пока придется потерпеть и потрудиться холодными пальцами.

Отложив в сторону сэндвич, Дункан наблюдал, как я готовлюсь.

– Вас это не напрягает? Работать с трупами?

– Не наглей, парень, – укоризненно произнес Броуди.

Констебль смутился:

– Извините, я не хотел...

– Ничего страшного, – заверил я. – Кому-то надо выполнять эту работу. Ко всему... привыкаешь.

Однако его слова остались у меня в памяти: «Вас не напрягает?..» Простого ответа не найти. Да, многие люди полагают, что моя профессия отвратительна, но я этим занимаюсь. Я привык.

И кем же я стал?

Обеспокоенный этим вопросом, я вышел из фургона и увидел приближающийся серебристо-серый блестящий «сааб». Броуди с Дунканом тоже услышали гул мотора и вывалили посмотреть. Машина встала около «фольксвагена» Эллен.

– Какого черта он здесь делает? – раздраженно произнес Броуди, когда из «сааба» появился Страчан.

– Доброе утро, – сказал он, и следом выпрыгнул золотистый ретривер.

– Посади собаку обратно в машину! – крикнул Броуди.

Ретривер увлеченно принюхивался. Страчан протянул руку, но тут пес почуял запах и рванул в сторону коттеджа.

– Черт подери! – выругался Броуди и побежал ему наперерез.

Он передвигался на удивление быстро для человека такого возраста и телосложения. Броуди схватил собаку за ошейник, несмотря на ее старания увильнуть, и потащил обратно.

Страчан с перепуганным видом подбежал к нам.

– Боже, мне очень жаль!

Броуди продолжал держать ретривера за ошейник, передние лапы висели в воздухе, собака тщетно пыталась вырваться.

– Ты соображаешь, что делаешь?

– Извините, я посажу Оскара в машину.

Страчан протянул руку, но Броуди не отпускал ошейника. Собака была большой, а он держал ее с легкостью и так крепко, что животное начинало задыхаться.

– Я посажу Оскара в машину, – повторил Страчан уже тверже.

На секунду мне показалось, что Броуди и вовсе не собирается отдавать пса, но тут он всучил его хозяину.

– Вас тут не должно быть. И вашей чертовой собаки!

Страчан погладил беднягу, держа за поводок.

– Сожалею. Я не думал, что он убежит. Просто приехал спросить, могу ли быть полезен.

– Садитесь в машину и уезжайте отсюда. Это дело полиции, а не ваше!

Страчан сам начал злиться.

– Забавно, мне казалось, вы на пенсии.

– У меня есть разрешение здесь находиться. А у вас нет.

– Может, и нет, но это не дает вам права указывать, что мне делать.

Броуди стиснул челюсти.

– Констебль Маккинни, почему бы вам не проводить мистера к машине?

Дункан, смирно наблюдавший перепалку, встрепенулся.

– В этом нет необходимости. Я уйду, – сказал Страчан. На щеках проступили красные пятна, хотя внешне он сохранял спокойствие. Он пристыженно улыбнулся мне, игнорируя Броуди. – Доброе утро, доктор Хантер. Прошу прощения.

– Ничего страшного. Просто здесь лучше не топтать, – сказал я.

– Конечно, понимаю. Но если я могу чем-то помочь, дайте мне знать. Что угодно. – Он дружелюбно потряс собаку за ошейник. – Идем, Оскар, негодник.

Броуди с суровым видом смотрел ему вслед.

Дункан начал, заикаясь, извиняться:

– Как-то я растерялся, не знал, что следует...

– Не оправдывайся. Я сам не должен был выходить из себя.

Броуди достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, пытаясь прийти в себя.

Закипел чайник в фургоне. Я подождал, пока Дункан уйдет заваривать чай, затем повернулся к Броуди:

– Вы не особо жалуете Страчана, верно?

– Так заметно? – Он с отвращением разглядывал сигарету. – Дурацкая привычка. Бросил, когда пошел на пенсию. А сейчас опять начал.

– А что вы имеете против него?

Броуди зажег сигарету и затянулся, вдыхая дым так, будто зол на него.

– Мне вообще такие люди не нравятся. Привилегированный класс, считают, если у них есть деньги, могут делать, что им в голову взбредет. Он не заработал ни гроша, получил все в наследство. Его семья сколотила состояние на золотых приисках в Южной Африке, во время апартеида. Думаете, они там охотно делились с рабочими?

– Нельзя же винить его за поступки родителей.

– Может, и нет. Но, на мой взгляд, он слишком уж самоуверен. Видели, как он вел себя вчера в баре? Купил всем выпить, излил свое обаяние на Карен Тейт. При такой жене поглядывать на сторону!

Фрейзер говорил мне, что от Броуди ушла жена, и я подумал, что его ненависть к Страчану вызвана банальной завистью.

– А как же то, что он сделал для острова? Насколько я понял, Руну могла постигнуть участь Сент-Килды, если б не он.

Броуди молчал. Из фургона вылезла колли, задние лапы едва сгибались из-за артрита. Хозяин погладил ее по голове.

– Может, гибель Сент-Килды только к лучшему. Перед отъездом жители острова убили своих собак. Всех до одной. Но только двух усыпили. Остальным привязали к шее по камню и выбросили в залив. Своих собак. – Он покачал головой: – Не понимаю зачем. Однако причина должна быть. Я достаточно долго проработал в полиции, чтоб знать, что за каждым человеческим поступком есть мотив. И обычно это корыстный интерес.

– Вы правда считаете, что было бы лучше, если б Руну покинули?

– Нет, вряд ли. Страчан сделал нашу жизнь комфортней. Надо отдать ему должное. Уютные дома, хорошие дороги. О нем никто не

скажет плохого слова. – Броуди пожал плечами. – Просто я не верю, что можно получить что-либо даром. Всегда приходится платить.

Такое мнение показалось мне циничным. Страчан помогал острову, а не эксплуатировал его. И Броуди не первый полицейский, кто за долгие годы столкновения с темной стороной человеческой сущности забыл о светлой стороне.

Хотя не исключено, что он лучше разбирается в людях, чем я. Один мой знакомый, которого я считал другом, однажды сказал мне, что я лучше понимаю мертвых, чем живых. Может, он был прав. Мертвые по крайней мере не лгут и не предают. Только хранят свои секреты, если не знаешь к ним подхода.

– Пора приступать к делу.

При дневном свете коттедж производил далеко не благоприятное впечатление. Темнота отчасти скрывала разруху и убогость. Крыша перекосилась, местами зияли дыры, окна потрескались и покрылись толстым слоем грязи. Позади возвышалась Беинн-Туиридах, теперь походившая на бесформенную грудку камней, запятнанных снегом.

Лента оцепления тянулась от входной двери в комнату с сожженными останками. Потолок казался на грани обвала, хотя ни капли дождя не попало на кости и пепел. В тусклом свете, пробивавшемся сквозь окно, они выглядели еще прискорбнее, чем мне запомнилось.

Я сделал шаг назад и уставился на них, снова пораженный противоестественным сочетанием уничтоженного огнем трупа и нетронутых конечностей. Как бы то ни было, разлагающиеся мягкие ткани – неожиданный подарок при смерти от сожжения. Благодаря им можно будет проанализировать жирные кислоты и определить время трагедии, взять отпечатки пальцев и ДНК, чтобы установить личность жертвы.

Поскольку нет подозрений на убийство, как не раз подчеркнул Уоллес, не было необходимости натягивать над останками сетку. Обычно эта операция производится, чтобы зафиксировать

положение улики. И все же я не поленился. В каменный пол не вобьешь колышки, но у меня на такой случай есть деревянные блоки с отверстиями.

Разложив их по периметру вокруг трупа, я поместил в каждый по колышку. Когда закончил закреплять нейлоновые нити, пальцы в латексных перчатках онемели. Потерев руки, чтобы вернуть в них жизнь, я взял полотенце и тонкую кисточку и начал расчищать верхний слой талькообразного пепла.

Постепенно остался один обугленный скелет.

Наша жизнь, а иногда и смерть – это история, писанная костями. Они хранят память о травмах, небрежности и насилии. Однако чтобы расшифровать написанное, надо его разглядеть. А это медленный, кропотливый процесс. Работая над каждым квадратом сетки, я тщательно просеивал золу, помечал на миллиметровой бумаге нахождение фрагментов костей и прочих деталей, а затем помещал их в целлофановые пакеты. Время летело незаметно. Развеялись мысли о морозе, о Дженни, о чем бы то ни было. Мир сузился до груды пепла и высушенных костей. Я вздрогнул, когда кто-то сзади прочистил горло.

В дверях стоял Дункан, держа кружку горячего чая.

– Не хотите?

Я взглянул на часы: почти три. Я не вспомнил даже об обеде. Выпрямился, болела спина.

– Спасибо, – поблагодарил я, снимая перчатки.

– Только что заезжал сержант Фрейзер, интересовался, как у вас продвигается работа.

Фрейзер заскочил ненадолго, сказал, что ему надо опрашивать местных жителей. Броуди потом задал риторический вопрос, сколько человек придется опросить непосредственно в баре. Я подумал, что немного, но промолчал.

– Медленно, – ответил я Дункану, грея руки о кружку.

Констебль продолжал стоять в дверях, глядя на останки.

– Сколько еще понадобится времени?

– Сложно сказать. Надо просеять весь пепел. Вероятно, закончу к завтрашнему утру.

– А вы, ну... уже нашли что-нибудь?

В глазах горело искреннее любопытство. Согласно правилам, я обязан сначала докладывать Уоллесу, но что плохого, если Дункан узнает первым.

– Могу подтвердить, жертва определенно женщина, до тридцати лет, белая, ростом примерно метр семьдесят.

Констебль уставился на обуглившиеся кости.

– Правда?

Я указал на бедренную кость, очищенную от пепла.

– Возраст женщины можно определить по тазу. У подростков лобковая кость чуть ли не рифленая. С возрастом она выравнивается, а затем начинает стираться. Эта достаточно гладкая, значит, перед нами не тинейджер, но и не зрелая дама. Ей было максимум тридцать.

Длинная бедренная кость уцелела лучше остальных, хотя поверхность почернела и покрылась тонкими линиями трещин.

– По бедру можно судить о росте, – объяснял я. – Что касается расы, то почти все зубы развалились или выпали, но по нескольким можно сказать, что они росли прямо, не выдаваясь вперед. Значит, она была белой, а не черной. Нельзя исключать, что не азиатка, но...

– ...на Гебридских островах не так много азиаток, – с довольным видом закончил за меня Дункан.

– Верно. Итак, мы имеем дело с белой ширококостной женщиной под тридцать, где-то метр семьдесят ростом. Я нашел среди пепла металлические пуговицы, кусочек молнии и крючок от бюстгальтера. Следовательно, она была в одежде.

Дункан кивнул, догадавшись, что это значит. Факт одежды еще ни о чем не говорит, но, не будь ее, можно было бы предполагать, что произошло изнасилование. А затем убийство.

– Похоже на несчастный случай, да? Слишком близко подошла к огню, верно?

В голосе констебля сквозило разочарование.

– Внешне да.

– Она могла сама сделать с собой такое? Умышленно.

– Ты имеешь в виду самоубийство? Сомневаюсь. Тогда бы облилась бензином, а он на такое не способен. Рядом осталась бы канистра.

Дункан потер затылок.

– А как насчет рук и ног? – робко произнес он.

Я ждал этого вопроса. Однако свет, спускавшийся через грязное окно, начал тускнеть, а мне еще много надо было сделать.

– Дам тебе подсказку. – Я указал на жирную коричневую пленку на потолке. – Помнишь, что я об этом говорил?

Констебль поднял глаза вверх.

– Это жир от горящего тела.

– Верно. Дальше попробуй сам разгадать загадку. – Я осушил кружку и вернул Дункану. – Мне надо работать.

После его ухода я не сразу приступил к делу. Удалив слой пепла, я мог собирать уцелевшие кости, складывая их в пакеты для последующего осмотра. При всей своей скрупулезности я не обнаружил ничего подозрительного. Ни ножевых царапин на костях, ни повреждений скелета. Сохранилась даже подъязычная кость в форме подковы, которая так часто ломается во время удушения. Она была хрупкой и могла рассыпаться от малейшего неосторожного движения и все же уцелела.

Так почему же у меня по-прежнему сохранялось такое ощущение, будто я что-то упустил?

Через дыры в крыше подул холодный ветер, а я все стоял и смотрел на останки. Затем подошел к черепу, покрытому трещинами. Человеческий череп состоит из отдельных пластин, которые стыкуются друг с другом подобно геологическим линиям сброса породы. Взрыв оставил дыру размером с кулак на затылочной кости. На полу рядом лежали маленькие кусочки, отлетевшие туда, когда горячий газ нашел выход. Еще одно доказательство тому, что

повреждение произошло от пламени: будь нанесен удар, осколки попали бы внутрь.

И все же здесь что-то было не так, меня терзали назойливые сомнения. И я снова неосознанно подошел к черепу.

Словно по злему сговору, дневной свет начал угасать с неумолимой скоростью. В прошлый раз я отказался работать ночью потому, что боялся совершить ошибку. Теперь этот страх только возрос. Я включил прожектор, однако света по-прежнему не хватало для задуманного. Достал фонарь и положил на пол, направив в дыру на черепе.

Жуткое получилось зрелище: из глазниц исходили лучи. Я принялся за осколки – крошечные, не больше моих ногтей. Уже отметил их расположение на миллиметровой бумаге, а теперь пытался собрать в единое целое подобно дьявольскому пазлу.

Такие вещи я обычно делаю исключительно в лаборатории, где есть необходимые зажимы, пинцеты и увеличительные стекла. А здесь у меня не было даже стола, к тому же пальцы занемели от холода. Постепенно я составил приличную секцию.

И тут все стало ясно.

Для взрыва черепа характерны молниевидные трещины, расходящиеся в стороны из центра. Обычно они сразу заметны, а тут ничего подобного. Осколки соединились в рисунок, напоминавший рваную паутину. Четкие зигзаги могли возникнуть только от удара, достаточно сильного, чтобы надломить кость, но не пробить ее.

Череп действительно взорвался от пламени, но в слабом месте, уже поврежденном.

Я осторожно положил осколки на пол. Броуди прав. Это не несчастный случай.

Женщину убили.

8

Направляясь к фургону, я не замечал дождя и ветра. Снаружи было темно хоть глаз выколи, и свет из окошка походил на маяк в ночи. Во рту был кислый привкус. Кто-то убил молодую женщину и поджег тело. Хочет Уоллес того или нет, ему придется провести полномасштабное расследование.

Я злился на него, а еще больше – на себя. Меня не оправдывало, что обгоревшие трупы практически не оставляют улик, я должен был доверять своей интуиции. Надо учесть еще один факт. Если женщина не местная, из этого не вытекает, что убийца тоже приезжий. Нам неизвестно, что жертва делала на Руне, но, по словам Броуди, в такое время года остров редко посещают случайные люди. Скорее всего она приехала или с кем-то, или навестить кого-то.

Значит, убийца до сих пор где-то рядом.

С этой мыслью я зашел в фургон. После ледяного коттеджа там было удушающе тепло, воздух наполнился парами парафинового обогревателя.

– Что нового? – спросил Дункан, вскочив на ноги.

– Мне необходимо поговорить с Уоллесом. Могу я воспользоваться вашей рацией?

– Конечно, – удивленно ответил он. – Я подожду снаружи.

Полицейская рация была цифровой и принимала звонки как с мобильных телефонов, так и с наземных линий. Однако Уоллес не взял ни одну трубку. *Чудесно*. Я оставил ему сообщение с просьбой перезвонить и принялся снимать спецовку.

– Все нормально? – спросил вернувшийся Дункан.

– Да. – Констебль скоро все узнает, но сначала надо связаться с Уоллесом. – Я еду в деревню.

Остаться у коттеджа не было смысла. Я не собирался к чему-либо прикоснуться, пока не прибудет следственная команда.

Необходимо успокоиться и обдумать ситуацию. Перед тем как уйти, я решил предупредить Дункана:

– Следи за домом в оба глаза, ладно? Появится кто подозрительный, сразу звони Фрейзеру.

– Ясно, – с недоумением и легкой обидой произнес он.

Я вышел к машине. Шел сильный дождь, и окна старого «фольксвагена» запотели, как только я сел внутрь. Включив обогреватель, я надавил на громоздкий рычаг коробки передач и поехал по тропе к дороге. Дворники скрипели, размазывая дождь по стеклу. Я внимательно смотрел вперед сквозь заляпанное стекло. Вряд ли столкнусь здесь с машиной, но нет желания сбить заплутавшую овечку.

На полпути к деревне на дорогу выскочило светлое существо. Нажимая на тормоз, в свете фар я едва разглядел глаза собаки. Машина вышла из-под контроля, свернула и остановилась.

Ремень безопасности вдавился в грудь. От неожиданности у меня перехватило дыхание. Однако я не особо пострадал, и мотор продолжал работать. «Фольксваген» съехал с дороги и уткнулся в канаву, фары освещали густую траву, а не асфальт.

По крайней мере собаку я не сбил. Она успела отпрыгнуть в сторону. И это был золотистый ретривер. Если на острове таких не две, значит, Оскар. Одному богу известно, что он здесь мог делать.

Столько вокруг пространства, чтобы побегать, а он умудрился броситься именно мне под колеса. Я попытался дать задний ход и выехать на дорогу. Машина забуксовала и не двинулась с места. Переключил на первую передачу и нажал газ – безрезультатно.

Я выключил мотор и вышел посмотреть, в чем дело. Никаких повреждений, но колеса застряли в грязи. Накинув капюшон, порылся в багажнике в поиске предмета, подходящего в качестве точки опоры. Ничего не нашел. Сел в машину обдумать варианты. Дождь в свете фар падал непрерывными нитями. Возвращаться в фургон нет смысла. Значит, можно или остаться в машине и ждать, пока кто-нибудь не проедет мимо, или пойти в деревню пешком.

Сидеть на месте придется неизвестно сколько, а при ходьбе я по крайней мере не замерзну.

Черт, надо ж было забыть фонарь в фургоне вместе с кейсом! Я порылся в бардачке. Кроме старых карт и каких-то бумажек, там ничего не было.

Я выключил фары и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. На Руну спустилась ночь, и видимость была плохая. Так не хотелось покинуть машину. Тем более с осознанием, что на острове находится убийца. Как-то страшно оказаться на пустынной дороге.

Глупо. Даже если он на Руне, то где-нибудь у себя дома. *Давай. Нет смысла ждать.*

Я вышел из машины. В этот момент из-за туч показался месяц. В лунном свете поросшие вереском холмы казались эфемерно красивыми. У меня поднялось настроение, и я зашагал по дороге. Не так уж все плохо. При этой мысли месяц опять скрылся – словно резко вырубили свет.

Кромешная мгла вызвала шок. Мне приходилось жить в сельской местности, и я помнил, как темно там бывает. Однако такого опыта у меня еще не было. Руна – крошечный остров, на приличном расстоянии от земли, и здесь нет городов, чтоб хотя бы слабо отражаться вдаль. Я посмотрел наверх с надеждой проблеска. Как бы не так. Облачная гряда накрыла звезды и месяц, как одеялом.

Оглянулся назад, чтобы успокоиться при виде «фольксвагена». Но тьма была непроницаемой. Только стук собственных шагов по асфальту подсказывал, что я не свернул с дороги. Всего лишь темно. От этого еще никто не умирал. Если не собьюсь с пути, рано или поздно дойду до деревни.

Уверенность убывала с каждым шагом. Леденящий дождь и ветер забирали у меня тепло, делая не только слепым, но и глухим.

Однако не настолько глухим, чтобы я не услышал шорох на дороге позади.

Я резко повернулся, сердце выпрыгивало из груди. И не увидел ничего, кроме черноты. Вероятно, овечка или ветер поднял палку.

Или чертова собака Страчана. Я продолжил путь, напрягая слух, и тут неожиданно ступил в никуда.

Полетел вперед, размахивая руками, пока не ударился о землю. Потом покатился, уже не понимая, где земля, где небо. Жесткая трава царапала мне лицо, и наконец я резко остановился.

Выбившийся из дыхания и ошеломленный, я лежал на грязной траве, дождь хлестал в лицо. Понятно, что произошло. Я отклонился от центра дороги и шагнул в ров. *Идиот!* Я попытался встать и закричал от боли, выстрелившей в левое плечо. Когда она сошла до глухого нытья, я осторожно пошевелил рукой. Боль тотчас ударила снова, уже не с такой силой, но достаточно, чтобы я застонал.

По крайней мере кость не скрипит. Значит, ничего не сломано. Проглотив ком в горле, я потрогал плечо. Даже через куртку было ясно, что сустав стыкуется как-то не так. Выпирает там, где не следует. Пока гладил неровную поверхность, подкатила тошнота.

Я вывихнул плечо. Сильно.

Без паники. Дыши глубоко. Надо вправить сустав. Я протянул здоровую руку как можно дальше, нащупывая место, где головка плечевой кости высывалась из лунки. Стиснув зубы, резко надавил на нее.

От боли чуть не потерял сознание. Завопил, увидев небо в алмазах. Приходил в себя, лежа на спине. Пот на лице смешался с дождем. Тошнило. Спазм прошел, но я ослаб и дрожал.

Я не стал трогать плечо. И так понятно, что не вправил. Оно неумолимо пульсировало, боль шла от основания черепа до кончиков пальцев. Я сел. Голова кружилась, пока вставал на ноги. О том, чтобы идти в деревню, теперь и речи быть не может. Надо попытаться найти машину и ждать, что Фрейзер или Дункан рано или поздно станут меня искать. Лучше бы рано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

САЙМОН БЕКЕТТ

УВЕКОВЕЧЕНО
КОСТЯМИ

Сноски

1

Так жители Гебридских островов называют собственно остров Великобритания. – *Примеч. ред.*

[Вернуться](#)